

Verlag «STELLA»
Deutschland
2021

© Людмила Ларкина: Обет русского беженца Ефима Шишкова.
Германия: STELLA – 2021. – 98 с.

Выпущено при содействии
Международной гильдии писателей
International Guild of Writers
Internationale Schriftstellergilde
<http://ingild.com>

© Все права защищены.

© Оформление обложки: В. Цветков.
Верстка: А. Шейнгатт.

Книга выходит в авторской редакции.

Verlag «STELLA»
Bundesstr. 52
72379 Hechingen
Deutschland
www.stella-verlag.com
Tel. +49 (0) 174 38 403 06
E-mail: tst1968@gmx.de
ISBN 978-3-95772-231-7

Людмила Ларкина

ОБЕТ РУССКОГО БЕЖЕНЦА ЕФИМА ШИШКОВА

*Непридуманные истории о жизни
русских в Австралии*

Германия 2021

Вступление

Людмила Ларкина – мастер документальной прозы – знакомит читателей с очередной сердцещипательной историей из жизни эмигрантов в Австралии. На этот раз главными героями повествования становятся выходцы из Башкирии, семья Шишковых, в голодном и противоречивом 1933-ем году пустившиеся в сложный и опасный путь. Сохранить себя и детей после всех горестей и сопряженных с ними мытарств на родине, ставшей не матерью, а мачехой, отвергнувшей немало «детей своих», – задача не из простых. И все-таки, доверив себя в руки Господа, с верой в миссию, не растеряв доброту и милосердие, несмотря на лишения, Шишковы достигли берегов страны, давшей изгнанникам кров, пропитание и вселившей надежду в их завтрашний день.

Надо отметить, что это вполне объяснимо, почему воспоминания о трагических событиях, которыми была охвачена Страна Советов в начале XX века, преимущественно все-таки принадлежат старшему поколению. Молодежь, которая в последние годы, благодаря фильмам и книгам, прониклась уважением к истории, при этом имеет весьма приблизительное представление о политических репрессиях прошлых лет. Между тем, за период с конца 20-х до начала 50-х годов XX века в той же Башкирии, по официальным данным, были репрессированы более 50 тысяч человек. И стоит оговориться: это только те, кому непосредственно были вынесены судебные приговоры. А ведь вместе с ними хлебнули лиха и семьи, в одночасье ставшие после ареста родного человека «членами семьи врага народа», а также близкие и знакомые, и даже имевшие порой косвенное отношение к «изменнику Родины». Женщины, которые не отреклись от репрессированных мужей, отцов и братьев, как правило, подлежали выселению в спецпоселки, дети попадали в детдома. Живыми возвращались не все. А те, кто выжил, повинувшись инстинкту самосохранения, вколоченному тюремным конвоем, не спешили делиться воспоминаниями. В свою очередь дети и внуки не

стремились их расспрашивать, пока это было возможно... И как же часто мы потом «кусаем локти», что опоздали, не успели... а ведь могли... И именно поэтому хочется особо отметить труд писателя Людмилы Ларкиной, которая использует каждый свой день и час, чтобы сохранить крупницы воспоминаний того поколения, которое еще здесь и может сегодня, ничего не боясь, поделиться своими историями – историями, непосредственно связанными с Большой Историей нашей общей Родины.

Лада Баумгартен, писатель

*Камень, который
я поставил памятником,
будет домом Божиим.*

Быт.28:20-22

*Откройте душу у лампы:
Что накопилось, не сбылось?
Боль, эмигрантские досады,
Где был гоним, а где был гость...*

*Не в суету и не в угоду
Ведутся в жизни дневники,
И, помолившись тихо Богу,
Откройте сердца тайники.*

*Откройте правду для потомков,
Как ты по свету колесил
С пустой холщовой котомкой,
Хранивши память о Руси...*

Людмила Ларкина

Обет Ефима Шишкова

26 августа 1956 года, в день празднования иконы Божией Матери «Умягчение злых сердец», на самом далеком континенте, в Австралии, в городе Брисбене, Владыкой Саввой, Архиепископом Австралийским и Новозеландским РПЗЦ, был освящен храм в честь Владимирской Иконы Божией Матери, построенный по обету русского беженца из России Ефима Васильевича Шишкова.

Обет Богу Ефим Васильевич Шишков дал в 33-летнем возрасте, в голодном и опасном для жизни 1933 году, оставляя дом свой в России, в Башкирии, спасаясь от преследований советской власти. Выходя из дома, он сказал: *«Господи, не остави меня, жену и чад моих в предстоящем пути. Коли соблаговолишь сохранить жизнь всем чадам моим и матери их, не растеряться в скитаниях, то за милость Твою воздам хвалу Тебе, Господи, навеки: построю храм там, где Ты укажешь мне, в какой бы точке мира это не было, пусть даже на краю света...».*

Отправилась семья Шишковых в 1933 году из Башкирии в полную неизвестность. Взял Ефим Васильевич с собой немного вещей, сухарей, беременную жену и троих своих малолетних детей. Младенец, которым была беременна жена Ефимия, Прасковья, родился уже далеко от дома... Дети, которых увозил из родных мест Ефим, были совсем еще малы: старшему сыну Георгию исполнилось восемь лет, средней дочери Антонине – семь, а младшей Валентине – шесть. С Валентиной мы в дальнейшем подружились в Австралии, в городе Брисбене, которая и поведала мне историю своей жизни и ее родителей, Ефима Васильевича и Прасковьи Тимофеевны.

Ефим Васильевич Шишков

Ефим Васильевич Шишков родился 22 марта 1899 года в де-

ревне Преображеновка Стерлитамакского уезда Башкирии. В семье родителей росли еще два брата: Семен Васильевич Шишков, ставший в дальнейшем регентом, а потом диаконом. Другой брат – Василий Васильевич Шишков стал военным офицером. Судьба их родственникам в Австралии не известна. Ефим окончил три класса приходской школы. Благодаря своей любознательности и усидчивости, овладел он красивым почерком и безукоризненной письменной грамотой. Со своей будущей женой Прасковьей Тимофеевной Ждановой познакомился Ефим Васильевич в Стерлитамаке.

*Ефим Васильевич Шишков (22.03.1899 – 19.01.1957)
в России, г. Стерлитамак. 1933 г.
Фото из архива В. Е. Шишковой*

Прасковья Тимофеевна Шишкова

Прасковья Тимофеевна Шишкова, урожденная Жданова, жена Ефима Васильевича Шишкова, родилась 2 августа 1899 года в селе Преображеновка, расположенном в восемнадцати километрах от губернского центра Стерлитамак. Получила хорошее родитель-

ское воспитание, училась в Стерлитамаке, в губернском училище, которое в дальнейшем было преобразовано в прогимназию. В училище наряду с девочками из дворянских семей и семей священнослужителей обучались так же девочки из мещан

*Прасковья Тимофеевна Шишкова (2.08.1899 – 10.06.1978) –
жена Ефима Васильевича*

и крестьянского сословия. Обучение было платным, но ученицы из сельских обедневших семей освобождались от платы за обучение. Окончить Прасковье училище не довелось по ряду многих житейских причин, потому практика письма у нее не закрепилась, даже подписывалась она на документах с большой неуверенностью, а вот житейский ум был цепок, в делах предусмотрительна, характером настойчива. Полюбил Ефим Шишков на всю жизнь эту ясноглазую девушку. С трепетом в сердце сделал он ей предложение стать его женой. Прасковья, не задумываясь, приняла предложение от этого статного, нравом веселого, умом находчивого деревенского красавца. После родительского благословения обвенчались Ефим и Прасковья в церкви Казанской Божией Матери в селе Преображеновка Стерлитамакского уезда. В этом селе и остались жить. Там же родились у них сын Георгий, дочери Антонина и Валентина.

Преображеновка

Образовалась деревня Преображеновка в Башкирии в 1867 году, когда обосновались здесь прибывшие из Рязанской губернии 45 семей. Деревня быстро развивалась и вскоре получила статус села, а в 1902 году там проживали уже порядка 851 жителей. В развивающемся селе в 1885 году была построена Казанско-Богородицкая церковь, в которой Ефим и Прасковья венчались, а потом крестили своих детей. Была в храме особо почитаемая икона – копия чудотворной Табынской иконы Божией Матери. Считается, что она помогает в избавлении от войн, эпидемий, пожаров, в исцелении болезней глаз, защищает от воров и завистников, помогает сохранить мир и гармонию в семье. Местные жители немало рассказывали чудес исцеления людей от этой иконы. Верующие устраивали крестные ходы с этой святыней вокруг храма и по селу Преображеновке с посещением домов прихожан. Икону приносили и в дом болящих с верой в выздоровление, и исцеление наступало.

Вспоминали эту икону Ефим и Прасковья Шишковы во время скитания по разным странам и городам, да и после того, как осели

ДВЕ МОЛОДЫЕ СЕМЬИ СЕЛА ПРЕОБРАЖЕНОВКА

Псаломщик церкви Казанской иконы Божией Матери села Преображеновка Петр Варламов с супругой Анной и первенцем Анатолием, умершим в 1921 г., с. Преображеновка, Стерлитамакский район, 1917 г.

В 1915 году, после окончания курсов псаломщиков и диаконов, в церковь Казанской иконы Божией Матери села Преображеновка был назначен Петр Яковлевич Варламов.

Ефим и Прасковья Шишковы были ровесниками прибывших в 1915 году в Преображеновку 18-летнего псаломщика Петра Варламова и его супруги Анны.

Петр Яковлевич Варламов родился в 1897 году в селе Дияшево Белебеевского уезда Уфимской губернии в крестьянской семье. В возрасте девяти лет лишился отца и воспитывался вдовой-матерью, поднимавшей в тяготах и лишениях четверых детей. Окончив курсы псаломщиков, Петр Яковлевич прибыл в село Преображеновка. Вместе с ним приехала, только что ставшая его женой, юная учительница Анна Ивановна,

ставшая в дальнейшем матушкой, пережившая страшные лишения и гонения в 1930-ые годы.

Анна Ивановна Варламова (в девичестве Портонова) родилась в 1895 году в селе Подлубово Караидельского района Башкирии, в семье кузнеца. С детства была очень одарённым ребенком – замечательно пела, танцевала, рисовала, обладала прекрасным слогом, но отец был против образования дочери. На одном из сельских праздников заметила ее княгиня Кугушева и помогла Анне поступить в школу для девочек с полным пансионом в селе Верхотор Ишим-

байского района Башкирии, где будущая жена псаломщика получила специальность учительницы. Приехав вместе с мужем в село Преображенка, молодая учительница Анна Ивановна Варламова и псаломщик церкви Казанской иконы Божией Матери Петр Яковлевич Варламов вскоре познакомились со многими односельчанами. В селе их полюбили. В Преображенке родились у Варламовых семеро детей.

Жизнь жителей села Преображенка была трудной, но дружили односельчане, верно поддерживая друг друга и в радости, и в горе. Молодые Варламовы, приехавшие в новое для них село, крепко сдружились с молодой семьей Шишковых. Познакомились они в церкви Казанской иконы Божией Матери, где служил Петр Варламов псаломщиком, а Ефим Шишков помогал по хозяйству в храме. Ефим был на два года младше Петра, но, поскольку был местным, хорошо знал односельчан и все устои села, стал помогать новому псаломщику осваиваться на селе. Было молодым Шишковым и Варламовым всем чуть больше двадцати лет, но даже не в возрасте дело, а в том, что взгляды на жизнь у Шишковых Ефима и Прасковьи и Варламовых Петра и Анны во многом сходились. Обе семьи жили в мире, любви, согласии и являли собой те самые малые Церкви, каковыми и должны быть настоящие христианские семьи. Никто не знал тогда, какая судьба была уготована этим молодым людям, родившимся за 16-18 лет до Октябрьской революции XX-го столетия. Не знали, что священник иерей Петр Варламов в 1930 году будет расстрелян, а после падения советской власти, в 2000 году, будет причислен к лику святых Собора новомучеников и исповедников российских XX века.

Никто не знал, что семья Шишковых покинет в 1933 году родные края, будет скитаться с семьей по чужеземным странам, более десяти лет проживет в Персии, а затем окажется на краю света – в Австралии, где в Брисбене, в районе Рокли, возведёт храм Владимирской иконы Божией Матери.

Помощник фельдшера Ефим Шишков

В 1918 году территорию Уфимского кантона* охватила Гражданская война. Преображенка не раз переходила из рук в руки противоборствующих сторон. Разруха, экономический хаос, кризис власти вызвали массовый голод, следствием которого стало распространение множества болезней. Положение жителей осложнилось тем, что началась эпидемия сыпного тифа, затем зверствовала скарлатина, дифтерия, унося, как юное, так и старшее поколение.

*Ефим Васильевич и Прасковья Тимофеевна Шишковы.
Фото из архива В. Е. Шишковой*

Не обошла беда и семью Варламовых, у которых в 1921 году умерли от дифтерии два первенца. Одному сынишке было четыре года, другому – три. Мальчики были очень дружны между собой, даже умерли в один день. В 1919 году в Стерлитамаке были организованы санитарные дружины для борьбы с сыпным тифом. В 1921-1922 годах, в годы массовой смерти от болезней и голода, была проведена поголовная вакцинация, функционировали противомаларийные, противобруцеллезные, трахоматозные пункты, но из-за нехватки медперсонала, лекарств и транспорта помощь в отдаленных населённых пунктах оказать было невозможно. Врачи и фельдшера были опытные, в основном из ссыльных,

и хотя бы этим захолустный стерлитамакский край выигрывал, приобретая в лице ссыльных профессиональных специалистов.

* Кантон – административно-территориальная единица того времени.

При отступлении белых священник Казанской церкви села Преображеновка Иоанн Канин ушел с отступавшими, и богослужение в храме прекратилось. Прихожане обратились к псаломщику Петру Яковлевичу Варламову с просьбой стать в их приходе священником. Ему только что исполнилось двадцать два года. Он отказался, ссылаясь на свою молодость и неопытность. Супруга Петра, Анна, также была против того, чтобы муж становился священником. Они оба понимали, что священник и его семья могут подвергаться преследованиям советской властью. Однако прихожане не отступали и слезно умоляли молодого псаломщика принять на себя сан священника и стать настоятелем прихода. Петр Яковлевич посчитал невозможным более отказываться, приняв данную ситуацию за Божью волю. В 1919 году он был рукоположен в сан священника и назначен настоятелем церкви Казанской иконы Божией Матери в селе Преображеновка. Несмотря на свою молодость, отец Петр Варламов оказался прекрасным проповедником, прирожденным богословом, обладающим красноречием и ораторским словом. На его проповедях верующие плакали.

Испытания для молодого священника и его семьи начались с первых же дней после хиротонии. Местные комсомольцы из рьяных

*Священник Петр Варламов
с матушкой Анной. 1925 г.*

активистов сожгли дом священника, и молодые супруги с детьми оказались на улице. Семью священника приютили прихожане, а затем крестьяне постановили выделить отцу Петру и матушке Анне с детьми пустующий дом. Дом не был приспособлен для жилья, и зимой в нем было холодно, как на улице. Пришлось заняться ремонтом дома. Как только семья Варламовых утеплела брошенное жилище, навела в доме порядок, сельсовет, узнав об этом,

принял решение устроить в этом ранее никому непригодном помещении агитационный коммунистический красный уголок. Отец Петр просил у местных властей разрешения остаться с детьми проживать в одной из комнат и в качестве платы читать посетителям красного уголка лекции по садоводству и пчеловодству, но местные власти, опасаясь влияния пастыря, отказали ему и потребовали семью священника покинуть дом навсегда. Священник с детьми и матушкой снова оказались на улице.

Жители села любили батюшку и его семью, помнили, как угоривали его взять на себя крест священства. Созвали сельское собрание, на котором постановили: «выделить настоятелю церкви Казанской Божией Матери отцу Петру землю для строительства собственного дома». Продав, частично раздав скарб бедного родительского дома в селе Отрадовка Стерлитамакского кантона, собрав там еще пригодные для строительства бревна, отец Петр приступил к строительству жилья на выделенной ему земле в селе Преображеновка. Вместе с остатками дома он забрал к себе двоих обездоленных родственников из села Отрадовка. Дом в селе Преображеновка возводился с трудом, не было средств, но голодные батюшка с матушкой и полуголодные дети готовы были терпеть все лишения, лишь бы появилась крыша над головой и не зимовать на улице. Наконец дом был достроен. Радости у молодых родителей и их малолетних детей не было предела.

Как только Варламовы поселились в новом доме, пришло распоряжение: «отвести землю, на которой построен дом священника, под огород для сельской избы-читальни, поскольку волостной исполнительный комитет не утвердил решение сельского собрания...». Жители села снова собрались на собрании. Пришли на собрание даже те, кто уже давно не выходили из дома, но хотели поддержать батюшку. Снова было вынесено решение в пользу семьи с малолетними детьми: «землю и дом оставить за священником». Чтобы не настроить простое население против представителей вла-

сти, была придумана для священников медленная, более изощренная «удавка». Непосильными налогами облагались храмы и личное имущество священников. Приходы вынуждены были «добровольно» вешать замки на храмы, а священнослужители, чтобы прокормить детей, были вынуждены снимать рясы и наниматься на мирскую работу. Да и миряне после того, как человек был священником, не всегда брали на работу, ссылаясь на отсутствие рабочих мест. За неуплату налога у священнослужителей отнимали имущество, дом, домашних животных. Так случилось и с отцом Петром Варламовым. Вскоре после собрания, на котором односельчане вторично отстаивали дом священника Петра Варламова, власти потребовали от него налог 470 рублей. Денег у отца Петра не было и ему пришлось занять у прихожан. Как только налог был заплачен, тут же был вынесен штраф за несвоевременную уплату налога. Платить опять было нечем и в качестве уплаты штрафа власти решили отнять у семьи корову, которая была единственной кормилицей для детей. Корову со двора уводил 19-летний председатель сельсовета. Матушку Анну, в слезах пытавшуюся остановить председателя с коровой, объяснявшую, что без коровы умрут их дети, председатель оттолкнул с грубыми словами. Это повергло в шок матушку. Она понимала, что без молока – это голодная смерть детей. Анна упала в обморок и с тех пор начала сильно болеть. Обмороки стали повторяться. Постоянный страх за мужа, детей, за дом, чувство голода истощили женщину. Власти повышали налоги на землю, дом, и это тревожило отца Петра и всех односельчан. В 1928 году от семьи священника потребовали уплаты налогов уже в сумме 1.000 рублей. Отец Петр старался не впадать в отчаяние, успокаивал жену, но заплатить такой налог не мог. Денег не было. Обратился за помощью к пастве, но и для всего села это была неподъемная сумма. Денег собрать не удалось. Пошли сверх-начисления за неоплаченный налог. К этим трудностям семьи священника Варламова прибавились новые, еще более страшные испытания.

Аресты и расстрел священника из Преображеновки

В феврале 1929 года по стране были разосланы директивные письма секретаря ЦК ВКП(б) Л. М. Когановича «О мерах по усилению антирелигиозной работы». Повсюду начались аресты священников, певчих церковных хоров, чтецов, активных прихожан, закрытие монастырей и храмов. С жителей Стерлитамака и села Преображеновка обманным путем собирали подписи о ходатайстве закрытия церквей, обещая после закрытия *«все несметные сокровища храмов пустить на решение жилищного вопроса граждан...»*. Эти обещания подкупали людей. Отец Петр в проповедях призывал свою паству к верности Христу, удерживая от измены: *«Православные, не слушайте врага Церкви, антихриста! Держитесь крепко! Не забывайте Бога! Не давайте закрывать храмы Божию! Если вы будете стойки, то советская власть церкви не закроет. Господь наш страдал, и нам нужно пострадать, защищая дом Божий...»*.

В том же 1929 году городское «Общество безбожников» города Стерлитамака организовало кампанию по закрытию двух приходов, освященных в честь Казанской Божией Матери в Стерлитамаке и в селе Преображеновка. 9 марта 1929 года в Преображеновке состоялось общее собрание коммунистов, комсомольцев и актива бедноты, которое единогласно постановило храм закрыть. Отец Петр, прихожане, как и все семейство Шишковых, очень переживали и пытались противостоять закрытию храма. Отец Петр собирал прихожан и вместе с ними обдумывал, как не допустить закрытие при-

Священник Петр Варламов
в храме Казанской иконы Божией
Матери в селе Преображеновка
Стерлитамакского района за
два года до расстрела. 1928 г.

ходов. Один из местных коммунистов как-то подошел к отцу Петру и сказал: «Я помню, что, когда во время революции я уходил с красными, ты не сдал мою семью белым. Благодаря тебе никто не тронул ни моих детей, ни жену. Сегодня я не хочу видеть твою гибель и даю тебе совет: бери свою семью и беги, как можно дальше из села...». Отец Петр ответил: «Что же мне прятаться, я ни в чем не виновен. Я дал обет Богу, что свое служение и приход никогда не брошу». Матушка Анна умоляла мужа ради детей оставить приход и уехать из села. В их семье росли уже пятеро детей, старшему из которых было восемь лет, а младшему шесть месяцев. В один момент отец Петр все же принял решение уехать, заказал подводу и велел собирать вещи, а сам пошел попрощаться с монахинями, перебравшимися в Преображеновку из закрытого монастыря. Монахини запричитали: «Батюшка, на кого ты нас покидаешь?..». Отец Петр, видя слезы, мольбу монахинь и прихожан, не мог их оставить. Он изменил решение об отъезде и сообщил, что останется в селе вместе с паствой. 26 мая 1929 года отца Петра арестовали и заключили в тюрьму в Стерлитамаке. Прихожане написали ходатайство об освобождении священника. Более 200 человек подписали прошение и пришли в сельсовет, чтобы заверить подписи. Председатель сельсовета отказался заверять подписи, и один из инициаторов сбора подписей – фельдшер Георгий Саранцев – был арестован. Односельчане составили новое обращение, которое секретарь партийной ячейки отослал в ОГПУ с рапортом, в котором было написано, что данное обращение является доказательством того, что жена священника Варламова усиленно занимается подстрекательством крестьян к бунту против советской власти. Жители Преображеновки и близлежащих селений писали в ОГПУ: *«Когда у нас была революция, мы видели и знаем, что наш священник Варламов с белыми не уезжал, и мы, которые уезжали с красными отрядами, знаем, что он наши семьи не выдавал, а наоборот защищал их, и благодаря ему наши семьи не были обижены и ограблены белыми...»* 30 июля 1929 года отец Петр написал заявление: *«Имея*

жену и пять совсем малых детей, которые оставлены на произвол судьбы без всяких средств к существованию, прошу освободить меня под подписку или поручительство». Письма и заявления священника власти не читали и дело не рассматривали. Люди раз-
 уверялись в справедливости местной власти, боялись за свои семьи и одновременно чувствовали, что наступает новая беда. Беда не заставила себя долго ждать. Приближалась новая волна голода, вызванная принудительными хлебозаготовками, которые советская власть организовала на селе в 1929 году. У крестьян изымалось зерно до последней крупички, что создавало нехватку продовольствия во всех населенных пунктах по всей советской России. Люди еще не забыли голод 1921-1922 годов, когда во многих семьях погибли от голода старики и дети. В наступившем 1929 году не все семьи могли прокормить двух детей, не говоря о семье, где женщина оставалась одна с пятью детьми. Расправа над отцом Петром грозила истреблением не только его самого, но и его детей.

Прихожане, несмотря на опасность быть арестованными, снова и снова писали прошения в защиту своего настоятеля, собирая многочисленные подписи, но все было тщетно. Всякий раз обращение заканчивалось новыми арестами прихожан, которым за написание прошения вменялось обвинение за подстрекательство к бунту и подрыв авторитета советской власти.

Вскоре всех арестованных стали отправлять из Стерлитамака в Уфу. Родственники заключенных, узнав об этом, собрались к воротам тюрьмы. Заключенных выводили и строили в колонну по восемь человек. Отец Петр, увидев пришедших повидаться с ним жену и дочь, благословил их и осенил себя крестным знаменем. В Уфу арестованных гнали пешком. Отец Петр был болен, и матушка Анна пыталась добиться разрешения конвоя священнику ехать на подводе, но никто ее слушать не стал. Отказались также передать узелок с хлебом и теплыми носками. В первый день колонна заключенных прошла около пятнадцати километров и остановилась в селе Подлесном. Расстояние от Стерлитамака до Уфы составляет

128 км, которое было преодолено арестантами пешком за семь дней. Арестованные старшего возраста и больные путь этот не выдерживали и умирали по дороге. Матушка Анна, оставив детей соседям, добралась до Уфы, где ей все же удалось встретиться с мужем. Отец Петр был сильно ослаблен, тяжело кашлял, но виду не показывал. Перед расставанием он отдал матушке пуховый шарф, который она привозила ему в стерлитамакскую тюрьму. Батюшка сказал: «Нюра, этот шарф грел меня в тюрьме и в дороге, но теперь ты возьми его... пригодится дочкам...»

В Уфе 5 марта 1930 года следствие по делу иерея Петра Варламова было закончено и составлено новое обвинительное заключение, в котором священник обвинялся в том, что, «будучи руководителем кулацкой группировки, проводил активную деятельность в целях срыва всех важнейших мероприятий, организуемых советской властью в деревне...».

9 марта 1930 года «Тройка» ОГПУ приговорила отца Петра к расстрелу с полной конфискацией имущества. Через день после приговора, 11 марта 1930 года, иерей Петр Варламов был расстрелян в Уфе. Через месяц после расстрела, в апреле 1930 года, власти произвели в доме священника полную конфискацию имущества и матушку Анну с пятью детьми выселили из дома.

Массовое закрытие храмов

В том же году, как был закрыт храм Казанской Божией Матери в Преображенке, а настоятель иерей Петр Варламов арестован, президиум БЦИК принял постановление о закрытии Казанского собора в Стерлитамаке. Постановление вышло о закрытии собора 16 августа 1929 года, и уже через несколько дней с собора были спилены кресты, звонницу обезголосили – сняли колокола. Из иконостаса сделали рамы для окон и дверей, в храме устроили клуб для танцев и агитационной работы, в алтарь повесили экран для просмотра фильмов. Но и этого кощунства над святыней казалось

властям недостаточно. В 1937 году, когда храмы по всей советской России начали не только закрывать, но и взрывать, здание Казанского собора в Стерлитамаке было полностью снесено. Разбирая стены собора, вспомнили местные власти и последнего настоятеля, служившего в соборе до его закрытия – протоиерея Петра Васильевич Полозова.

*Петр Васильевич Полозов,
расстрелянный в 1937 г.*

После закрытия собора в 1929 году служил он в Воскресенском храме, в Тихвинской церкви Стерлитамака, а с 1935 года был вынужден работать ночным сторожем в керосиновой лавке. Уничтожая собор, напомнили сторожу, как он рясу носил, и хоть он в ватной, просаленной фуфайке теперь, а все еще для жителей является частью собора. 13 августа 1937 года сторож керосиновой лавки – бывший протоиерей Петр Полозов – арестован, а через три месяца, 13 ноября 1937 года, расстрелян в Уфе. О том, что бывший священник Казанского собора Стерлитамака будет арестован и расстрелян, Ефим Шишков не узнал. В то время он был уже далеко от родных мест.

Проживая в селе Преображеновка, Шишковы видели, что, начиная с 1930 года, ежедневно арестовывают невинных людей, как издеваются над семьями арестованных. Ни один из арестованных не вернулся, как и не вернулся друг Ефима Шишкова, Степан Тотцев, арестованный за сбор подписей в защиту отца Петра Варламова. Степана Тотцева приговорили к десяти годам лагерей, где он пропал бесследно. Рассказывали Ефиму Шишкову, как 5 августа 1930 года в Уфе сотрудники оперативной части Башкирского областного отдела

объединения ГПУ арестовали ученого, приехавшего в командировку, и как подвергали его пыткам. Это был этнограф, археолог Сергей Иванович Руденко.

Люди исчезали бесследно.

Арест Ефима Шишкова

Матушка Анна Варламова продолжала верить, что супруг ее жив и вернется из лагеря. Она с детьми подвергалась всяческому унижениям. После того как арестовали мужа, и все их имущество было конфисковано советской властью, матушку Анну с детьми выгнали из дома на улицу. Жила она теперь в сарае со скотом, где дети могли видеть свет, только когда открывались двери и загоняли животных. Зима 1930 года была ранней. В ноябре ударили сильнейшие морозы. В сарае матушке с детьми оставаться было невозможно, и Шишковы голодных, замерзших детей Варламовых отогревали ночами в своем доме. Соседи тоже брали к себе младших детей на ночлег и делали это по очереди, чтобы было неприметно тем, кто был настроен против попадьи с детьми. Ефим и Прасковья старались хоть чем-то помочь несчастной семье друзей: приносили картошку, поношенную детскую одежду. Самой большой радостью для детей и матушки Анны было, когда брали их в дом на ночлег, где было можно и детей помыть, и самой хоть ковшик воды на себя вылить. Жестокость властей не ослабевала, а наоборот с каждым днем становилась изощреннее. В один день матушка Анна поведала Шишковым, что отправляют ее с детьми на Соловки. Противиться она властям не могла и переносила все тяготы судьбы с единственной мыслью – лишь бы накормить и сберечь детей. Она силами и мыслями приготовилась отправиться на Соловки, но в последний момент женщину с детьми в соловецкий лагерь отправлять передумали. От Соловков Бог ее уберег, но жизнь матушки Анны и ее детей от этого не улучшилась. Все, что делалось в селе, становилось известно в сельсовете. Как-то Ефиму Шишкову сказал один из работников сельского совета: «Против власти идешь, Шишков. За помощь жене

попа тебе несдобровать, да и не забыто еще, как ты был недоволен, когда Казанскую церковь в Преображеновке закрывали, как ты в правлении церкви при Варлаомове был...» Ефим, действительно, не один год был в правлении церкви старостой и в составлении писем в защиту арестованного батюшки участвовал. Он понимал, что и над его семьей нависла беда, но бросить без поддержки семью священника Ефим и Прасковья не могли и продолжали помогать жене друга, подкармливая обездоленных детей.

В морозную ночь с 8 на 9-ое декабря 1930 года в дом Шишковых постучали. Дети крепко спали. Прасковья, первая услышавшая стук в дверь, сильно заволновалась. Ефим успокоил жену:

– Возможно, матушка Анна стучит, может, соседи не пустили, хотя ночевать она сегодня не у нас собиралась.

Стук в дверь усилился. Теперь по двери уже били сапогами и чем-то тяжелым. Ефим понял, что пришли за ним. Стал спокойно одеваться. Он всегда в критические моменты становился особенно спокойным. Не успел одеться, как дверь на крыльце выбили, и резкие шаги устремились по сеням к двери избы. Ефим дверь в избу открыл сам. Полураздетого Ефима вытолкали из дома на мороз. Он только успел сказать жене: «Не кричи, не буди детей. Я ни в чем не виновен. Разберутся и отпустят». Прасковья, привыкшая безукоризненно слушаться своего мужа, не вымолвила ни слова. Дети безмятежно продолжали посапывать на полатах.

Арестованного Ефима Васильевича обвинили по статье 58 в двух параграфах: 58-10 и 58-11. В уголовном кодексе звучало так: *«Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений. Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего Кодекса (т. е. расстрел или объявление врагом трудящихся*

с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества). В двух словах это звучало так: "Антисоветская агитация"».

Каким-то чудом в деле Е. В. Шишкова нашли смягчающие обстоятельства. Его не расстреляли, а приговорили к трем годам лагерного выселения. Из имущества конфисковывать было нечего. В деле Е. В. Шишкова записано так: «Ефим Васильевич Шишков родился в 1899 году, д. Преображеновка, Стерлитамакский р-н БАССР; русский; образование начальное; б/п; церковное правление, председатель. Арестован 9 декабря 1930 года. Приговорен: обв.: по ст. 58-10, 58-11. Приговор: Сослан на 3 года. Реабилитирован 26 апреля 1989 года». (Источник: Книга памяти Республики Башкортостан).

После лагеря вернулся Ефим ослабленным, исхудавшим. Воспоминаниям лагерной жизни не предавался, на вопросы жены и соседей отвечал сдержанно: «Бог и там меня берег». Ефим, как и другие односельчане, не знал – жив ли настоятель Казанской церкви Преображеновки, его друг отец Петр Варламов. Как и до своего ареста, принялся он искать следы отца Петра. В Преображеновке мало что узнаешь, а в Стерлитамаке вестей подробных ходило из уст в уста больше, да и друзья его юности и подруги по училищу жены Прасковьи там встречались.

Духовный геноцид

Жители Преображеновки много вопросов Ефиму не задавали. В дом «врага народа» ходить было не безопасно, да и на улице не поговорить. Ефим и жене не рассказывал, что пережил, в каком лагере пребывал. Многие слышали, что в 30-40 километрах от Стерлитамака, под Ишимбаем, есть лагерь, куда привозили арестованных на

лесопопал. Политзаключенные занимались заготовкой древесины для Стерлитамака и Ишимбая, сплавливали лес по реке Селеук.

В один из дней в Стерлитамаке встретил Ефим человека из деревни Уразбаево. Человек этот около 40 километров прошел пешком до Стерлитамака, разыскивая свою пропавшую 16-летнюю дочь. Искал по поселениям, по лагерям. Стал Ефим подробнее расспрашивать, не встречал ли он в каком лагере священника Петра Варламова. Матушка его вся извелась: не ест, не пьёт, ждёт весточки о муже ежедневно. В Преображенровке все еще не знали, что расстрелян отец Петр был в марте 1930 года. Пока не знали, надежда теплилась, что вернется их батюшка. Узнал Ефим от странника, что под Ишимбаем рядом с лагерем политзаключённых располагалось поселение под названием Аси-Ялань, в переводе с башкирского Кислая поляна. На эту поляну высадили ссыльных и арестованных, а они там землянки вырыли. К некоторым даже жены с детьми приехали и живут со своими семьями под землей. Матушка Анна и в земле была готова жить, лишь бы с мужем и с детьми не разлучаться. Свозили в то место, где ссыльные со всех концов СССР. Отправляли туда всех, которым жизнь помиловали. Так же везли на поселенье под землей арестантов со всей Башкирии.

Узнав о месте поселенцев, пошли туда несколько человек из Преображенковки – те, чьих родных арестовали, кому поставили страшное клеймо «враг народа». По возвращении рассказывали люди, что неизвестное поселение то находится в лесных завалах и болотах. В трясине той часто люди увязают и бесследно исчезают в болотных воронках. Находится это место у истоков реки Селеук. Места для гибели людей власти лучше не могли придумать. Заселяли те места «врагами народа», но не оставляли без присмотра, а охраняли собаками, обтянув местность колючей проволокой. Поселенцы в основном прибывали из образованных, что было видно по их манерам и речи. Были среди них учителя и доктора, большая часть дворянского происхождения. Привозившие их конвоиры подсмеивались над растерявшимися женщинами и детьми, бросая неп-

ристойные шуточки. Прибывающие же не реагировали на реплики и принимались собирать ветки деревьев, складывая их в шалаши. Так и спали с детьми в первые ночи под ветками. Взрослые ложились спать на земляной пол и клали маленьких детей себе на грудь, чтобы те не примёрзли к земле. На следующий день рыли мужчины землянки, кто руками, кто палками. Женщины тоже помогали им, кто землю рыл, кто воду носил. Ребятишки не унывали. Им новое жильё казалось забавой. Вскоре и дети начинали понимать, что это не романтическое путешествие, а жить они в этих земляных «норах» будут постоянно. Становились серьезными, изо всех сил стараясь помогать взрослым. Помогать новеньким прибывшим запрещалось, но, тем не менее, люди, имевшие хоть какой-то опыт рытья землянок без инвентаря, голыми руками, пытались помочь хотя бы подсказками. Более страшной бедой было не отсутствие жилья, а голод. Голод не щадил никого. Позднее власти заставили строить заборы из валежника, чтобы отделить поселенцев от лагеря политзаключенных.

Раскулаченных «врагов народа» также завозили сюда постоянно. Люди постепенно приживались. Решили совместно строить барак из срубленного леса. Сначала построили общий барак, в котором поселились около двадцати семей, затем стали строить отдельные бараки. Вскоре брошенных в болотной трясине на произвол судьбы людей власти решили обязать создавать совхоз, чтобы иметь от них пользу, и поселенцы могли бы планомерно поставлять продукты сельского хозяйства, животноводства государству. Задача всем казалась нерешаемой, даже тем, кто отдавал такие приказы. Лес стоял стеной, кругом непроходимые, вязкие болота, засасывающие людей за несколько минут под землю. Необходимо было выкорчевать лес, засыпать и высушить болотные трясины. На очищенной земле надо было построить амбары, конюшни и много других построек, необходимых для ведения совхозного хозяйства. Чтобы выжить, поднять детей, люди готовы были делать любую работу. Лес выкорчевали, болота осушили, но этого было недостаточно, чтобы наладить про-

Добровольно в совхоз отовсюду потянулись люди, которые не могли найти пристанища и работу в других селениях.

Директора совхоза, Владимира Михайловича Волоцкого, уважали все в округе за его заботу о людях, за выполнение данного слова, за справедливость, честность, организованность. Молодежь подражала ему, стараясь так же, как и Владимир Михайлович, разговаривать – уважительно со всеми при любой ситуации. Односельчане начали совместно с директором совхоза обсуждать планы о постройке школы. Детей разных возрастов, так и не приступивших к учебе, было много и их надо было обучать, чтобы готовить смену. Задуманная школа очень была нужна, и уже начинали складываться обстоятельства так, что цель осуществления проекта по строительству школы была близка к осуществлению. Среди вынужденных поселенцев было много грамотных учителей, получивших образование еще в царской России, и они с радостью готовы были обучать детей. Поток ссыльных из интеллигенции не прекращался со всей России. Владимира Михайловича уважали, ценили тянувшиеся к труду и жизни не только старожилы, но и вновь прибывающие на поселение люди. Все бы хорошо, но такие успехи дворянина-«врага народа» были большевицким чиновникам как вызов и упрёк. Успехи всеми уважаемого «врага народа» представителей власти не радовали, а раздражали. Затаившаяся зависть и ненависть не давали покоя сидящим в бездействии «властелинам мира». Вскоре на Владимира Михайловича был написан донос, в котором обвинили его в том, что он якобы распорядился укладывать в плотину снопы необмолоченной ржи. В начале 1938 года его арестовали и без предъявления обвинения приговорили к высшей мере наказания. 10 марта 1938 года Владимир Михайлович Волоцкий был расстрелян в Уфе, а его жена получила второй срок – 5 лет строгого режима в Соликамских лагерях. Судьба ее неизвестна.

Кроме Владимира Волоцкого, к высшей мере наказания были приговорены в то же время главы ещё нескольких семей – Гариф Садыков (его сын погиб в Германии, сражаясь с фашистами), Николай Титов, Григорий Малинин, Максим Тутаев. Павла Ракитина сослали на Соловки, Никиту Левашова – в Нарымский край... Хозяйство, созданное поселенцем-дворянином Владимиром Михайловичем Волоцким, пришло в запустение. Его передавали от ведомства к ведомству, пока к 1960 году оно не оказалось полностью разорено. Местные жители остались без работы. В середине 70-х в деревне закрыли школу и медпункт. Люди стали покидать обжитые места. Многие из них осели в Стерлитамаке и Ишимбае.

«Ты, Шишков, – враг народа...»

Вместе с ожесточением советской власти и массовыми расстрелами «врагов народа» в жизни российского народа наступала еще одна из самых трагических страниц в истории человечества. Наступал голод, который в 1932 и 1933 годы охватил все населенные пункты СССР. Голодом в большей степени было поражено население деревень из-за изъятия советской властью зерна. В городах было также много голодных из-за увольнения с предприятий рабочих и служащих. При увольнении им выдавали документы об отстранении от работы – «волчьи паспорта», не дающие права на продовольственные пайки.

Тема голода 1932-1933 года в СССР была строго закрыта, и только после перестройки 90-ых годов XX столетия об этом заговорили впервые. В настоящее время период российской истории 1932-1933 годов формулируется как период величайшей гуманитарной катастрофы советского времени. Относительно масштабов голода, «вызванного насильственной коллективизацией», сделана официальная оценка Государственной Думой РФ 2 апреля 2008 года в изданном официальном заявлении «Памяти жертв голода 30-ых годов на территории СССР». Согласно заключению комиссии при ГДРФ: *«На территории Поволжья, Центрально-Черноземной области,*

Северного Кавказа, Урала, Крыма, части Западной Сибири, Казахстана, Украины и Белоруссии от голода и болезней, связанных с недоеданием, в 1932-1933 годах погибли около 7 млн человек, причиной чему были репрессивные меры для обеспечения хлебозаготовок, которые "значительно усугубили тяжёлые последствия неурожая 1932 года"».

(Источник: Оценка Государственной Думой РФ 2 апреля 2008 года в изданном официальном заявлении «Памяти жертв голода 30-ых годов на территории СССР»).

Начиная с 1930 года в Преображенковке, в Стерлитамаке, да и по всей советской России не прекращались ежедневные аресты. Не имея никакого доказательного материала, власти бесцеремонно забирали людей, не скрывая при этом, что им надо выполнить «поголовный план врагов-народа». По всем населенным пунктам рассылались «разнарядки» с указанием «количества голов», необходимых для ареста, в зависимости от количества человек, проживающих в том или ином населенном пункте. Для всех арестованных было одно обвинение: «ведет антисоветскую работу, направленную к срыву мероприятий партии и советской власти...». Если такое обвинение уже ранее вменялось, но человеку удалось вернуться из лагеря, уже через несколько дней после его возвращения его снова арестовывали и без предъявления обвинений отправляли по этапу. Ефим Шишков понимал, что жизнь его и его семьи в опасности. Председатель сельсовета при первой же встрече после возвращения Ефима заявлял: *«Ты, Шишков, – враг народа!..»*

Кто в эмиграции лучше: «советские» или «предатели»?

Устами Сталина на всю страну и на весь мир заявлялось, что в 1933 году *«колхозники забыли о разорении и голоде»* и поднялись *«на положение людей обеспеченных»*. Вероятно, такая «оптимистическая» информация о высоком благосостоянии советского народа доходила и до русских Китая и в Австралии, поэтому, когда я впервые

в 2013 году в журнале «Австралийская лампада» напечатала статью о семье Шишковых, пожилая жительница из Брисбена Татьяна Флорианова сказала мне: *«Что же вы о Шишковых пишете, как будто они трудности пережили. Они бежали из России в 1933 году, когда все люди в Советском Союзе уже богато жили. А в 1960-ые годы зачем они снова бежали из Советского Союза? В то время там уже все стали миллионерами... Это мы после революции бежали от беды и ни с чем...»*.

Это из той же серии, как россияне, прочитав мои книги «Уральские казаки в Квинсленде» и «Подвиг русского духа», говорят и пишут мне: *«А мы думали, что после революции в Китай и в Австралию русские бежали с мешками, набитыми золотом, и предположить не могли, что они работали на сорокаградусной жаре «рабами» на сахарных тростниках, на рудниках, на строительстве железных дорог, а жилье себе шили из холщовых мешков...»*.

Моя цель как автора, видевшего жизнь в Советском Союзе в 1960-ые годы, а затем, знакомившегося с жизненными историями русских беженцев в эмиграции, описать правдиво, как жили советские люди во времена СССР и те, кто покинул Россию после революции или после Второй мировой войны. Мне больно слышать, когда представители старших волн эмиграции в Австралии пренебрежительно называют приехавших людей из бывшего СССР «советскими», характеризуя самыми нелестными словами. Иногда говорят: *«Мы скитались по чужим странам, а "советские" жировали в СССР... После Перестройки "советские" жировать в Австралию приехали...»*.

Я хочу описать правдиво то, что пережили русские беженцы, прибывшие в Австралию после революции, в 1920-1960-ые годы, которых называют в России до сегодняшнего дня «предателями». Мне больно слышать, когда русских эмигрантов, переживших лишения, потери, называют предателями. В наше время тоже тысячи людей покидают Россию. Что их толкает на тот шаг, чтобы оставить страну своего рождения, где все говорят на родном языке, не надо

грызть науку иностранного языка, чтобы получить работу, даже самую простую? У всех свои причины для эмиграции.

Народ российский страдал во все времена. Давайте будем просто уважать друг друга, кто бы мы ни были – русские китайской волны эмиграции, послевоенной волны или после перестроечной волны, или оставшиеся в России. Мы-просто русские. Забудем слова, которые мы часто слышим в эмиграции в адрес друг друга: «советские», «белые... предатели...» Сейчас чаще это произносится за спиной, но при малейшем недопонимании и ссоре высказывается и в глаза.

После выхода моей книги в 2011 году «Уральские казаки в Квинсленде» я получила письмо из австралийского города Мельбурна от одного читателя, который с укором написал: *«Написано здорово, но почему ты написала книгу о бежавших из России казаках? Они же все предатели...»* А кем же является человек, написавший это письмо? Он приехал сюда после Перестройки. Чем же он лучше? Или чем лучше другие, включая меня, если мы тоже живем не на своей родине? Кто в эмиграции лучше «советские» или «предатели»? Не надо искать ответ на этот бессмысленный вопрос. Лучше прочесть воспоминания простых людей, переживших тяжелейшие испытания лично, но не потерявших любовь ни к Родине, ни к людям, и смогли полюбить ту страну, которая стала вторым домом. У всех свои обстоятельства эмиграции, как я уже писала выше, и об этом мы поговорим подробнее в следующей моей книге, а сейчас разговор о герое моей документальной повести – о Ефиме Васильевиче Шишкове. Для кого-то он «предатель», для меня он герой.

БЕГСТВО ИЗ БАШКИРИИ

«Сила Божия в немощи совершается»

2 Кор.12,9

Покидали Ефим и Прасковья Шишковы свой родной дом с детьми перед самым празднованием октябрьской революции, в начале ноября 1933 года, 87 лет назад. Подробно рассказывала мне об этом проживающая ныне в австралийском городе Брисбене Валентина Ефимовна Шишкова (в замужестве Решетникова) – младшая дочь Ефима и Прасковьи Шишковых, бежавшая вместе с родителями в шестилетнем возрасте в 1933 году из России.

Валентина Ефимовна Шишкова – младшая дочь Ефима Васильевича Шишкова, рассказавшая мне историю жизни их семьи, скитавшейся по разным странам. В настоящее время проживает в Австралии, в городе Брисбене.

Далее я буду писать от первого лица, от лица моей собеседницы, сохраняя ее обороты речи. Хочу сказать, что не все населенные пункты пожилая женщина называла правильно и, возможно, что-то путала, что-то забывала, что-то пропустила. Как Валентина Ефимовна говорит: «Давно это было и что-то забылось...» На момент, когда она делилась со мной своими воспоминаниями, ей было 85 лет, в 2020 году ей исполнилось 93 года. Вспоминала она свою жизнь с того момента, когда ей было всего шесть лет. Валентина Ефимовна не возражает, что имена и события будут написаны в книге без изменения. Она говорит, что ей очень хотелось бы, чтобы о ее отце, Ефиме Васильевиче Шишкове уз-

нали люди не только в Австралии, но и в других странах, а также на Родине, в селе Преображеновка, в Башкирии, и гордились бы там люди своим земляком, который на краю земли, на пятом континенте, возвел величественный храм.

Вспоминания младшей дочери Е. В. Шишкова Валентины Ефимовны

В 1933 году мне исполнилось шесть лет, но я все очень хорошо помню. Первого сентября все ребята пошли в школу, и мои брат и сестра тоже пошли учиться. Не приняли в школу только меня из-за возраста, и я очень сокрушалась. Очень мне хотелось вместе с ними учиться, но ходить в школу ни сестре Антонине, ни брату Георгию так и не довелось. Через два месяца после начала занятий в школе, перед празднованием октябрьской революции, мы всей семьей бежали из дома.

Ежегодно перед празднованием октябрьской революции власти особенно ожесточались, подозревая в каждом видном человеке «врага народа», а папа наш, действительно, был очень видным, обладал каким-то необъяснимым свойством притяжения. Где бы он не появлялся, вокруг него всегда собирались люди, и он, не заметно для себя, становился центром происходящего. К нему обращались с вопросами, за советами как знакомые, так и незнакомые люди. Это происходило везде, независимо куда бы он не приходил – на работу ли, в магазин или просто в гости. В один из дней подошел к нему на улице малознакомый человек и шепнул: «На прошлой неделе ночью забрали несколько человек и им грозит расстрел, а на эту ночь в списках людей, подлежащих аресту, я видел твое имя...»

Помня, как ни за что арестовывали соседей, зная, как издеваются над женами и детьми «врагов народа», папа решил бежать вместе с мамой и с нами – тремя детьми. Я была младшей из детей. Мне было шесть лет, Георгию исполнилось семь лет, а Антонине – восемь. Мама была беременна четвертым ребенком.

поезда, никак сделать это не удавалось. Поезд тронулся. Мама бежала за поездом, держась за поручень вагона, пытаюсь снова и снова заскочить на ступеньку. Сердце мое сжалось. Я видела, как люди грубо отталкивали маму от ступеньки набиравшего ход поезда, пытаюсь тоже вскочить в уходящий вагон. Вдруг какой-то мужчина схватил маму, но не отшвырнул ее, как другие, а как-то ловко подхватил ее и посадил на ступеньку, откуда папе удалось втащить маму в тамбур. Поезд уже шел полным ходом, когда мы нашли место в вагоне, чтобы присесть. Вагон был с темно-коричневыми стенами, прокуренный, пахло туалетом. Все верхние полки были заняты пассажирами, а третьи полки, под самым потолком, заставлены узлами, чемоданами. Кое-где и на третьих полках на узлах ютились люди. Папа тоже сложил на третью полку наши вещи. Мы с Тоней и Гришей сидели притихшими, но папа все-равно строго, предупреждающе сказал: «Сидеть и не бегать!» Тишину прервал парень, лежащий на второй полке, крикнув: «Дяденька, дяденька, у тебя из мешка дождь идет...» Папа спохватился, снял мешок с полки, открыл его. Мешок оказался прорезанным в нескольких местах. Это уже на вокзале кто-то резанул ножом или бритвой. Сверху на нас из разрезанного мешка посыпались крошки сухарей. Кто бы знал, как часто мы будем вспоминать эти крошки бабушкиных сухарей в том долгом голодном пути, который нам предстояло пережить. Перед нами предстоял путь скитаний в несколько десятилетий.

Уфа

Мы приехали в город Уфу – столицу Башкирии. В детской душе были радость и предвкушение чего-то нового, а может, и вкусного. Остановились мы у каких-то папиных знакомых в очень красивом доме. Нам – детям – казалось, что мы попали в сказочный рай, и теперь всегда будет так красиво в нашей жизни. Восемилетняя Тоня была тихой, а мы с братом не могли угомониться. Бегали по дому друг за другом, громко смеялись и радовались. Мама, похоже, тоже радовалась за нас, что нам так весело и привольно, но ничего не

говорила, молча наблюдая, иногда подсказывая, куда лучше спрятаться. Хозяйка покрикивала на нас. Недовольство ее нарастало, и наконец она начала ругать маму: «Что ты за мать! Какие у тебя невоспитанные дети!» Мама по-детски покраснела, извиняясь. Мне очень стало жаль маму и запомнился этот эпизод на всю жизнь. С тех пор, когда я что-то делала, я всегда думала: «Правильно ли я себя веду, не поругают ли за меня маму?» Тогда я впервые поняла, что нет ничего лучше своего дома, пусть даже самого маленького и скромного. Мне очень захотелось вернуться в Преображенку, и я стала не по-детски тосковать по нашей улице, по дому и бабушке.

Из Уфы мы уехали в Ашхабад, но поначалу конечным запланированным пунктом у папы был город Ташкент. Тогда все старались попасть в Ташкент, о котором знали даже дети, рассказывая друг другу, что там всегда тепло и потому «буханки хлеба растут на деревьях». Мы уже собирались садиться в поезд, чтобы двинуться в сторону Ташкента, но на вокзале вдруг к папе подошла какая-то женщина и говорит: «Шишков, не останавливайся, иди за мной. Ты куда едешь? Задавай вопросы, и я буду отвечать, но только не останавливайся...»

Папа не сразу узнал в привокзальной торговке семечек жену бывшего владельца пивоваренного Стерлитамакского завода. Она была исхудавшей, в потрепанной одежде, как заметил папа, сильно постаревшей и ходила по вокзалу, предлагая хриплым мужским, простуженным голосом семечки.

– В Ташкент еду с семьей. Работу там буду искать, – ответил папа.
– Не ездите в Ташкент. Не губите жену и детей. Там на вокзале облавы... Всех молодых вашего возраста увозят в лагерь, без разбору. Кого на работы, кого на расстрел... План у них... Услышав это, папа изменил запланированный маршрут, и из Уфы мы поехали в Ашхабад, где были намерены остаться для проживания.

Поезд Уфа-Ашхабад, мчавшийся на всех скоростях, увозил нас все дальше и дальше от родных мест. Папа рассказывал маме, почему

он изменил маршрут и о том, что в Ташкенте массово арестовывают людей, бегущих туда с разных концов России. Я не запомнила ни лица, ни имени торговки семечками, встретившейся на уфимском вокзале, но запомнила, как папа сказал маме: «Не ехать в Ташкент мне подсказала жена бывшего короля стерлитамакского пива. Сейчас она торговка семечками в Уфе, а вообще она "королева пива"...» Помню, как меня поразило слово «королева». Королев я представляла совсем другими, а тут вид у «королевы» был больной и нищенский. Папа рассказывал, что владелец стерлитамакского пивоваренного завода пытался вместе с женой уйти в Ташкент. Жена его когда-то была очень красивой, умной женщиной, помогала мужу управлять пивоваренным хозяйством, которое из года в год становилось все более популярным в Башкирии. Звали владельца пивоварни Сергей Александрович Дезорцев, который в 1884 году построил в Стерлитамаке небольшой пивоваренный завод. Работали поначалу на его заводе всего шесть человек, в основном члены семьи, потом завод сильно развился. В 1919 году завод был национализирован советской властью.

Так случайная встреча на уфимском вокзале с «королевой» пивоваренного производства предотвратила нашу беду, но скитания наши на этом не завершились.

Ашхабад

Историческая справка из свободной энциклопедии «Википедия»:

Город Ашхабад – столица Туркмении, расположен на юге Туркмении, в 25 километрах к северу от границы с Ираном (Персией) на Туранской низменности. С момента завоевания Туркестана Российской империей город официально перешел к России по Ахалскому договору с Персией 21 сентября 1881 года, назывался Асхабад. 6 октября 1948 года в Ашхабаде произошло одно из наиболее разрушительных землетрясений в истории, разрушившее 98 % строений города, унёсшее половину жителей города. В 2013 году Ашхабад вошел в Книгу рекордов Гиннеса как самый белокаменный

Международный день трудящихся в Ашхабаде 1934 года

В Ашхабаде стояла прекрасная пора. Наступило 1 мая 1934 года. В Международный день трудящихся 1 мая во всех населенных пунктах Советского Союза проходили массовые демонстрации, народные гуляния. Граждане СССР готовы были погулять семьями, с друзьями, но на политизированные демонстрации ходить любили далеко не все. Тем не менее, все советские люди были вынуждены подчиняться требованиям, чтобы не попасть в список неблагонадежных «врагов народа», не признающих советские праздники. Многие шли на праздник с детьми. Пришел на Первомайскую демонстрацию и мой папа, и нас с Георгием и Антониной с собой взял. Папе вменили в обязанность нести красное знамя. Празднование было в самом разгаре. Комсомольцы были зачинщиками веселья среди демонстрантов. Юноши были одеты в рясы священников, изображая священство дурачками, а одна из комсомолок изображала Матерь Божию Марию с кощунственными намеками, оскорбляющими чувства верующих. Папа насилу себя сдерживал от возмущения, но в один из моментов богохульного поведения комсомолки, изображавшей Матерь Божию, чувство гнева самопроизвольно вырвалось из него. От негодования папа с силой воткнул в землю древко флага, который нес в руках. Удар о землю древком оказался таким сильным, что деревянный шест, из которого было сделано древко, треснул и сломался. Это увидели все, кто шел рядом. Один из демонстрантов подошел к папе и сказал: «Шишков, за сломанное агитационное имущество советской власти, а тем более за флаг... тебе будет расстрел... Тебе надо бежать сегодня же ночью, пока загул у властей не закончился...»

за водой в пещеру еще несколько раз. Немного послав, мы снова отправились в путь.

Шли наугад, не зная пути. К утру нас догнали наши проводники, переговариваясь друг с другом на туркменском языке и посмеиваясь над нами. Старший из них сказал: «Ладно, пожалеем вас. Давайте ваш груз и идите налегке. Мы привезем ваши узлы на ту сторону границы». Папа поверил и отдал все вещи, взамен попросил только чайник для воды, объясняя, что дети изнемогают от жары и кружки воды на всех не хватает. Проводники с неохотой вернули наш чайник, забрав кружку и все вещи. Папа набрал воды, и мы пошли дальше. С трудом добрались до описанного проводниками места и перешли границу, из Туркменистана мы попали в Персию. В то время границу между Персией и Туркменистаном (Туркмения), можно было перейти бесконтрольно.

Перейдя вброд неглубокую реку, которая служила границей, мы стали ожидать проводников с нашими вещами. Вскоре проводники появились на другой стороне реки, и папа сказал маме: «Вы сидите здесь, а я схожу за нашими котомками». Мама, почуяв неладное, стала умолять папу не ходить, объясняя, что ей не нравятся эти люди. Папа, видя оборванное на маме платье, которое окончательно разорвалось, когда она спускалась в ущелье, понимая, что и дети остались без одежды и продуктов, все же пошел к реке, навстречу проводникам, забравшим у нас все узлы. В этот момент мы услышали грозное предупреждение от проводников: «Дяденька, если ты вернешься за своими тряпками, то будешь убит...» Мама взмолилась и стала плакать, упрашивая папу не ходить к проводникам, обманным путем отнявшим все наши вещи и продукты. Мы тоже заплакали и просили папу не оставлять нас. Поколебавшись, папа остановился, раздосадовано махнул рукой и пошел в нашу сторону. Подойдя к нам, он, успокаивая себя и нас, ободряюще сказал: «А и это переживем! Пока тепло...» Мы зашагали подалее от границы по

медленнее. К утру мы еле дошли до неизвестной нам деревни и хотели пойти просить милостыню, но тут, как приведение, из ниоткуда появился старый перс, а может, турок и показывает жестами нам, чтобы в деревню не заходили, что порежут шеи нам. Мы не поняли, что он объясняет, но папа сказал: «Похоже, в деревню нам нельзя заходить». Вскоре мы увидели, что идут по дороге три парня-перса. Они остановились напротив нас и сказали на ломанном русском языке: «Дяденька, не ходи аул. Тут убить тебя? Твою жену, твоих детей убить. Вы грязные, вы свинью кушаете... Аул люди не любят не мусульман. Идите по этой дорожке город. Там много грязных, кто свинья ест... Аул смерть вам...»

Мы с Тоней и Георгием не знали, что означает слово «мусульмане». Слушали с недоумением. Молодые персы, перебивая друг друга, снова стали убеждать нас: «Вы не ходить аул...» Папа вежливо поблагодарил ребят, сказал им, что все понял, и попросил что-нибудь покушать для детей. Молодые люди ответили, что еды у них нет с собой, а вернуться в аул за едой они не могут, потому что придется объяснять для кого еда, а врать нельзя, и придется сказать, что прячутся здесь нечистые люди, которые нечистое мясо едят...

Мы пошли по дороге, указанной молодыми персами. Голод валил с ног. На пути встречались другие деревни, но мы помнили наказ и боялись заходить. У одной из деревень навстречу нам вышли персидские крестьянки и стали внимательно разглядывать нас. Они с недоумением и осторожно трогали мои волосы, смеялись над волосами сестры брата. Мы не понимали, почему они нас так разглядывали, и что их удивляло. Оказалось, что их забавляло, что мы дети, все трое, были не похожи на их детей и были с белокурыми волосами. Разглядев внимательно нас, потрогав наши плечи, волосы, оставшись удовлетворенными, женщины стали показывать на свои рты и что-то спрашивать. Папа тоже показал на рот, дав понять, что его дети голодные. Женщины скрылись и вскоре принесли кислого

молока и лаваш. Дали нам еду и наблюдали, как мы рвали на куски лаваш, делились друг с другом и не могли напиться молока. Снова удивлялись, ощупывая нас, как бы доказывая себе, настоящие ли мы, а не кукольные. Накормили нас персидские женщины от души и остались довольными собой и нами. Мы двинулись в путь.

Много всего ожидало нас впереди. На одной из речушек, которую мы хотели перейти, нас остановил патруль. Мы очень испугались. Патрульные стали допрашивать папу, маму. Один из патрульных взял меня, высоко поднял вверх и стал внимательно разглядывать, спрашивая: «Доктар или писар?» Что он имел в виду, мы так и не поняли. Мама подумала, что они спрашивали – «доктор или писарь», и ответила: «Нет – она еще маленькая и в школу не ходила...» Патрульные стали смеяться, что-то обсуждая на своем языке.

Так с приключениями, со страхом и с болью в каждой мышце мы дошли до персидского города Себзевар. Что это за город – мы не знали. Нам сказали, что находится этот город не очень далеко от Каспийского моря.

Город Себзевар

Историческая справка из свободной энциклопедии «Википедия»:
История города Сабзевар восходит к 1 тысячелетию до нашей эры. Расположен город на северо-востоке современного Ирана (Персии), в провинции Хорасан-Резави. Это важный транспортный центр, он расположен на автодороге Мешхед-Тегеран.

Воспоминания Валентины Шишковой

В городе Себзевар оказалось много русских. Русских в таком виде, какими были мы, грязных и обношенных, останавливали на улице и собирали в один двор. Там персы допрашивали каждого взрослого, избивали и приказывали вернуться «туда, откуда пришли». Папа нервничал, переживал за нас и ежеминутно молил Бога, чтобы только не били маму. Он очень любил маму. Подошла

очередь до нашей семьи. Папа резко отодвинул маму и пошел к допрашивающим персам один. Он не просил еду для детей, как делали другие, не показывал на наши оборванные вещи, доказывая, что надеть нам нечего, идти некуда, и дети не выдержат голода. Папа с поднятой головой подошел к допрашивающим персам и заявил, что в Персию он с семьей пришел на один год и ничего не просит ни для жены, ни для детей, а как только все утихомирится в России, вернется на Родину и в Персии не останется. Папу выслушали, не стали бить, не стали требовать объяснений от мамы, а сказали, что мы можем остаться. Помощи нам никакой не оказали, но и не прогнали, не избивали.

Мы вышли со двора, где проходил допрос людей славянской внешности нищенского вида, и зашагали быстро по улице, но голод просто ломил виски. Проходя мимо одного дома, мы увидели, что во дворе, прямо на земле, валяются яблоки. Мы с Георгием и Тоней заглянули во двор, а там вся земля была усыпана разными фруктами. Фрукты были и свежие, и гнилые, и уже подсохшие на солнце. Мы, падая от голода, стали с жадностью собирать падалицы в подола платьев, а брат собирал за пазуху рубахи. Тут же с жадностью ели плоды грязными. Вдруг в конце двора показалась грозного вида в черной одежде женщина. Повелительно подозвала нас к себе. Она так властно сказала какое-то слово на своем языке, что мы остолбенели так, что в голову не успела прийти ни одна мысль, и даже не сработал инстинкт самосохранения, который бы подсказал, что надо бежать со двора опростетью. Женщина, показывая на наши перепачканные землей рты и подола платьев, уже переполненные краденными фруктами, повелительно на ломанном русском языке приказала: «Выбросьте все это на землю! Быстро! Выплюньте грязь изо рта!» Подняла руку вверх, величественно показывая на деревья, сказала: «Берите с деревьев и ешьте, сколько хотите...»

В городе Себзевар мы не задержались. Нас не один раз останавливали полицейские, и один из них сказал: «Работу вы здесь не

найдете. Зря время теряете. Идите в город Мешхед. Там русское посольство. Там вы и устроитесь...»

Мешхед

***Историческая справка** из свободной энциклопедии Википедия: Город **Мешхéd** – это второй после Тегерана по величине и численности населения административный центр остана (провинции) Хорасан-Резави, один из главных священных городов для мусульман-шиитов. Расположен Мешхед на северо-востоке Ирана (Персии), в 900 километрах от Тегерана. На протяжении всей своей истории Мешхед имел значение важного политического, культурного и религиозного центра.*

Воспоминания Валентины Шишковой

Из Себзеvara мы отправились в город Мешхед. На маме платья уже, практически, не было. Платье было изодрано в лохмотья, которые мама перевязывала друг с другом, чтобы не было видно тела. В Мешхеде нам встретила русская женщина и изумилась нашей нищете. Пригласила нас к себе.

Молодая русская женщина, приютившая нас на некоторое время, оказалась очень доброй, но покоя ни ей, ни нам не давал ее новорожденный сынишка. Он плакал беспрестанно, целыми сутками. В один день мама осмелилась спросить молодую хозяйку: «Ты в Бога веришь или нет? Хочешь я сынишку твоего немного полечу?» Женщина ответила: «Я была бы вам очень благодарна, если вы сможете... Все бабушки это могут...» Мама не была бабушкой. Ей еще не было 35-ти лет, но молодая женщина приняла ее за бабушку. Такой уставшей и измученной она выглядела после пережитых скитаний. Целую неделю наша мама и мама младенца носили малыша рано утром на речку к рассвету. Вскоре ребенок поправился и перестал плакать.

В знак благодарности, что ребенок успокоился, женщина подарила маме ткань: «На, сшей себе платье, а то ходишь голой...»

Мама очень обрадовалась, начала благодарить. Женщина говорит: «Я сама бы тебе сшила, да шить нечем. Машинка сломана стоит...» Мама попросила у женщины иголку, нитки и ножницы. Тут же скроила себе платье и спросила разрешения шить платье во дворе. Женщина разрешила, и мама принялась вручную шить себе платье. Мы восхищались, как это мама может все делать: и даже сшить платье одной иголкой. Вскоре платье мамы было готово, и она сияла, наполненная счастьем. Папа даже в рваном платье называл маму красавицей, а тут просто ахнул, увидев ее в новом платье. Платье маме было очень к лицу. Мелкие цветочки на ткани были нежными, радостными. Мы не могли налюбоваться мамой, она показалась нам очень молодой. Такой красивой мы не видели ее уже очень давно. Этот день навсегда в моей памяти запомнился как самый счастливый день в Персии.

Тегеран

Далее в поисках работы и прибежища для семьи папа и мама решили отправиться в Тегеран, в столицу Персии. К тому времени мы познакомились еще с одной молодой русской семьей, которой папа помогал привыкать к новой стране, рассказывал, какие надо знать законы в Персии, чтобы не попасть в конфликт с местными жителями, придерживающимися строгой мусульманской религии; учил как правильно искать и просить работу. Звали наших новых знакомых Иван и Нина Криворучкины. С ними было веселее в дороге, и они с папой договорились и в дальнейшем не теряться, а пытаться держаться в Персии семьями вместе. До самого Тегерана мы добирались с Иваном и Ниной как одна семья. Добравшись до Тегерана, совершенно обессиленные, мы начали искать место для ночлега. Это оказалось непросто. У мамы начались предродовые схватки. Иван и Нина сказали, что скоро вернуться, а пока поищут жилье, чтобы пристроить роженицу и детей. Через несколько часов у мамы родился мальчик. Роды принимал сам папа. Мы, дети, конечно, не были ему помощниками. Попутчики наши Иван и Нина

так и не вернулись. Встретились мы с Криворучкиными уже через много лет в Австралии, в Брисбене.

Я очень радовалась, что теперь у меня есть младший братик. Рады были Георгий, Тоня и, конечно же, мама с папой, но мой долгожданный братик вскоре умер. Причиной его смерти было, возможно, то, что мама всю беременность была голодной, без воды, без сна, в постоянном волнении и переездах.

Временное жилье в Тегеране папа нашел, но после родов мама сильно заболела и не могла встать. Кто-то прислал к маме женщину-лекарку. Незнакомка назвалась акушеркой и сказала, что маму надо почистить после родов, а то она умрет. После «медицинской» помощи этой лекарки мама еще сильнее заболела, лежала в бреду, с температурой. Мы боялись отойти от нее. Папа постоянно молился на коленях и просил у Бога помощи, повторяя снова и снова свое обещание, что если Бог спасет его жену, детей, то он, чего бы ему не стоило, построит храм на любом конце света во имя прославления имени Божьего. Мама была уже совсем при смерти. В дом, в котором мы временно остановились, кто-то послал незнакомого нам человека. Он зашел в ограду дома и спросил: «Здесь лежит умирающая русская женщина после родов?» Папа проводил его в комнату, в которой мы все ютились. Там же на топчане лежала мама. Незнакомец достал из мешка большую книгу, написанную на русском языке, открыл ее и показал папе страницу в книге. Папа прочитал вслух: «Ноги болящей надо парить горячим вином...» Папа принес откуда-то вина, накипятил его и стал обворачивать ноги мамы тряпками, смоченными горячими вином. Через несколько дней мама могла сидеть на кровати и держать ноги в тазу, в том же горячем вине. Наконец, мама с папиной помощью начала тихонько подниматься с кровати и вставать на ноги. Через некоторое время начала медленно передвигаться по комнате.

Из-за болезни мамы папа не имел возможности искать работу. Пытался найти Криворучкиных в Тегеране, чтобы узнать, как устрои-

лись они, но попытки найти их были тщетны. Город Тегеран – столица Персии – большой, дорогой. Мама была все еще слаба, платить за жилье было нечем. Хозяева комнаты срочно требовали плату за проживание. Все заботы по организации нашей жизни лежали на папе. Он не мог оставить больную маму и детей без присмотра в большом городе, в комнате, из которой в любой момент могли выставить наши вещи. Решил папа перевести нас в более тихое место, в какую-нибудь деревню, надеясь, что мама ближе к природе быстрее поправится. В один из дней он сказал: «Едем в остан». Мы думали, что «остан» – это название деревни, потом поняли, что слово «остан» означает «провинция». Направились мы из Тегерана в сторону юга Персии, в остан (в провинцию). По пути познакомились с пожилой персидской женщиной, которая полюбопытствовала: «Куда рус с детьми путь держит?» Услышав ответ, она запричитала: «Нет остан. Нет. Там закон строгий. Кто хрюшка ест – тот убить». Вспомнил папа, как бежали мы по горам Персии, обходя персидские деревни, чтобы не попасть на глаза деревенских людей, строго придерживающихся мусульманских законов. Посоветовала добрая женщина доехать до города Исфahan, до которого оставалась уже половина проеханного пути.

Исфahan

Историческая справка из свободной энциклопедии «Википедия»:

Исфahan – город в Иране (Персии) на берегу реки Заянде, расположенный в 340 км к югу от Тегерана. Административный центр провинции Исфahan – третий по величине город Ирана (Персии) после Тегерана и Мешхеда.

Скитания наши продолжались. По совету пожилой персиянки добрались мы до города Исфahan, но и там работы для папы не нашлось. От голода животы наши прилипали к спинам. Мы не могли ни о чем думать, кроме еды. У мамы от голода после родов и болезни начали трястись руки, но, когда ей предложила одна армянская семья стирать

В Ширазе папа быстро устроился работать на сахарный завод. Завод этот находился не в самом городе, а в километрах 30-ти от него, поэтому папу мы стали видеть редко. Мама снова пошла работать прачкой. На этот раз она стирала грязное мужское белье в доме у казашки. Имен людей, у которых работала мама, да и других людей с нерусскими именами я не помню, потому и называю людей по национальности. Пусть не обижаются на меня те, кто будут читать эти воспоминания. Я ко всем народам отношусь хорошо, но имен людей, которых встретила на жизненном пути, не помню, да и имена мне казались очень трудными, и я их не всегда могла произносить по малолетству лет. В скитаниях я увидела разные народы и уже начала разбираться: кто чем может нам помочь или какую дать работу. Знала кого и за что надо опасаться. Хозяйка, взявшая маму на работу прачкой, собирала белье с эмигрантов – чехов, которые строили завод в Ширазе. Грязное мужское белье, рабочую одежду она отдавала маме для стирки. Деньги за стирку белья от эмигрантов забирала все себе, а маме платила гроши. Хозяйка постоянно ругала маму, говорила, что мама мало успевает, находила какие-то несуществующие пятна на стиранном белье. Не платила маме, если ей что-то не нравилось. Нас – детей она тоже заставляла работать. Брат работал в ее хозяйстве дворником, выполняя также всякие непредвиденные работы по дому. Он был совсем еще подростком, но ему приходилось поднимать тяжелые баки с сырым бельем, перетаскивать тяжелую мебель, заниматься ремонтом. Нельзя было никому сидеть ни минуты без дела. Мы жили в маленькой комнатке в доме маминой работодательницы и потому наш рабочий день никогда не заканчивался. Даже поздней ночью для нас находилась работа. Мне к тому времени уже исполнилось семь лет и ко мне требования были наряду со взрослыми, хотя детям хозяйка не платила. Я не любила ее и не могла свою неприязнь скрыть. Хозяйка, видимо, чувствовала это и тоже меня не любила. Чистим мы однажды зарубленных кур. Уже ночь на дворе, а мы воду кипятим и кипятком обливаем кур, перья выщипываем.

Я так спать хочу, ну просто не могу. Силюсь изо всех сил смотреть на зарубленную курицу, пытаюсь вытаскивать перья и засыпаю. Не могу ничего с собой поделаться. Только заставлю себя открыть глаза, а они тут же закрываются. Тоне уже девять лет было и она покрепче была, со сном могла бороться, а я могла на ходу заснуть. Постоянно слабость в теле была, то ли от недоедания, то ли от постоянного недосыпания. Так в ту ночь я на курицу и упала сонная, и уже не могла головы поднять. Проснулась от крика хозяйки. Она кричала на маму, как будто у нее дом сожгли, а не ребенок упал от усталости. Кричала на маму, что ее «дармоедка не работает, а клюет носом в курицу!..» Мама попыталась защитить меня, что я еще дитя и не устраивалась к ней на работу, что уже ночь на дворе, дети давно должны спать. Хозяйка ещё больше разозлилась и обещала выгнать нас той же ночью на улицу. Мама замолчала. Папа был на заводе в ночной смене. Иногда оставался работать на сахарном производстве на несколько суток. Папа не слышал, как над мамой и над нами издевалась хозяйка. При папе хозяйка была такой ласковой, такой обходительной и заботливой, что я не могла поверить своим глазам один ли это человек, или приходит в дом другая женщина, но похожая на хозяйку. Однажды она даже попыталась пожаловаться папе на маму, но папа ее резко оборвал, сообщив, что мы будем искать другое жилье. Тут же речь хозяйки изменилась, и она с лощеной улыбкой извинилась, что неудачно пошутила. Мама папе никогда не жаловалась и все терпела ради нас и куска хлеба.

Папа работал на сахарном заводе и почти не бывал дома. Денег зарабатывал недостаточно. Невозможно было на такую зарплату поправить положение семьи, которая состояла из пяти человек. Старался папа на заводе брать работы как можно больше и, возвращаясь домой, падал с ног. Иногда даже не поест. Упадёт на топчанчик в чем был. Часто говорил, что с сахарного завода людей увольняют без причины и отправляют в Исфahan. В город Исфahan

ни папе, ни нам не хотелось возвращаться. Там у нас положение было еще хуже.

Однажды на папино имя пришло письмо, в котором писалось, что жизнь для беженцев прекрасная на Каспии. Писали о том, что на Каспии устроились для проживания три русские семьи староверов, и жизнь их там хорошо сложилась. Писали, что есть возможность и свой дом построить. Папа долго обдумывал это письмо. У него была в Ширазе работа, хоть и не доплачивали денег как «беглецу», но сорваться опять на новое место было рискованно. Потерять работу на сахарном заводе было страшно. Фраза в письме, что на новом месте есть возможность дом построить для семьи, уж очень была заманчивой.

Каспий У старообрядцев

Историческая справка из свободной энциклопедии «Википедия»:

***Каспий** – регион Каспийского озера (моря), расположенный на стыке Европы и Азии. Борьбу за него вели многие великие державы, в числе которых Османская империя, Персия, Россия. В годы советской власти Каспий принадлежал двум странам – СССР и Ирану. Вдоль южного побережья Каспийского моря (север Ирана) располагаются леса протяженностью 850 километров. Регион Каспий охватывает пять провинций Ирана (Персии). Одной из провинций является Гилян. В центре провинции Гилян находится главный город Рашт, на северо-западе город Астара.*

С Шираза мы направились на север Персии, в сторону Каспийского моря. Ехали снова через Тегеран, добрались до города Рашт, затем до Астары. В своем детском воображении мы снова, как и прежние города, рисовали Каспий городом в изобилии цветов, с фруктовыми деревьями по всем улицам, с построенным папой красивым домом на самом берегу Каспийского моря. Оказалось, что Каспий – это не город, а лесистая местность. Русские старообрядцы, к которым мы

ехали, жили не в городе, как нам представлялось, а в глухом лесу. Три старообрядческие русские семьи жили настоящими отшельниками, построив себе в лесу незамысловатые рубленные домишки. Поселились мы жить в доме у старейшего из старообрядцев, у дяди Семы и тети Дуни. Очень добрые были люди. Ничего сами не имели, а все хотели кому-то помочь, то делом, то словом, то кусочком хлеба.

Лес оказался совсем не такой, как описали нам в письме, – не годился для стройки. Тем не менее, папа духом не упал. Он никогда не падал духом, а всех подбадривал, что «вон уж сколько мест на земле проехали, а значит, мир поглядели». Приступил папа к корчеванию леса, чтобы было где зерно посеять, но понял, что пока лес выкорчевывает, дети с голоду умрут. Уехали они с братом в город Рашт на заработки. Рашт был столицей остана Гилян. Мама со мной и Тоней остались в старообрядческой семье. Лес стоял стеной, вплотную к самому жилищу. Рыси, как кошки, прыгали по деревьям рядом с домом. В одну из ночей собака во дворе страшным воем завывала, коровы замычали предсмертным ревом, кошки замыкали звериным мяуканьем... Мы испугались, лежим – не шелохнемся. Боимся под одеялом пошевелиться. Настало утро. Дядя Сема первый вышел во двор и кричит нам с улицы: «Прасковья, вы живы? Рысь у нас во дворе всю ночь хозяйничала. Опять повадилась. Далеко от дома днем не отходить, а ночью на улицу не выходить!..»

Папа очень волновался за маму и детей и не мог оставлять нас надолго. Вернулся из города, а брат в городе остался работать. Папа снова пытался построить дом, но за хорошей древесиной надо было ехать в дальний лес, а везти лес было не на чем. Наладить свое хозяйство, чтобы зерно посадить, опять же средств на закупку зерна не хватило. Дяде Семе и тете Дуне самим чуть на пропитание выращенной картошки хватало, а они еще и с нами делились. Так мы пожили недолго. Вдруг брат наш Георгий сообщает папе запиской через людей, что уехал он из города Рашт в Тегеран, нашел там место, где можно жить и работы много: «Приезжайте все вместе!»

Мы снова сорвались с места и поехали в Тегеран. В сердцах наших скитальческих были новые надежды.

Тегеран

Историческая справка из свободной энциклопедии «Википедия»:

Тегеран расположен в 90 км к югу от побережья Каспийского моря, на севере Персии (Ирана). Сейчас это главный промышленный и финансовый центр Ирана. Как и сейчас, в тридцатые годы XX-го столетия съезжались в Тегеран беженцы из разных стран. Город быстро развивался и работы приезжим людям хватало, хотя оплата труда для беженцев была намного ниже, чем для местных жителей.

В Тегеране, наконец-то, наша семья обосновалась, где мы прожили несколько лет. Папа быстро нашел работу, снял дом с большим двором, в котором росли два дерева – апельсиновое и грейпфрутовое. Два эти дерева давали фруктов так много, что нам хватало на еду, на джемы, компоты, а также мы начали продавать апельсины и грейпфруты на рынке. Сорт наших цитрусовых был сочный, сладкий и у нас охотно раскупали все фрукты.

Правительство Тегерана заботилось о беженцах. В один из дней папа узнал, что правительство разрешило всем бедным людям взять под хозяйство землю. Папа и мама очень обрадовались такому сообщению, облюбовали землю у речки. Землю вскоре, действительно, выдали, и папа посеял пшеницу, мама посадила огурцы, помидоры. Мы вместе с родителями ухаживали за землей и впервые за время скитаний наедались досыта. Росли у нас теперь в своем огороде самые разные овощи и даже те, которых мы раньше не видели. Папа своими руками построил дом. В августе–сентябре 1941 года на территорию Персии (Ирана) вошли советские войска с целью обеспечения безопасности Советского Союза и Ирана от немецких захватчиков. Пришли советские войска и в город Тегеран и стали раскладывать свои военные позиции на нашем земельном участке.

Папа пошел на прием к шаху, который недалеко от выделенных участков земли начал строить для себя казино, а для каждой своей жены – по квартире. Было у шаха 4 жены.

Встретили в доме шаха папу уважительно, сразу определив, что этот смелый мужчина, который пришел к шаху, похоже, русский. В следующий воскресный день папе снова назначили встречу у шаха и предложили прийти не одному, а со всей своей семьей, чтобы посмотреть действительно ли у русского трое детей и он не один проживает на выделенной земле. К беженцам мужского пола, у которых росли дети, в Персии было особо уважительное отношение. Местные жители понимали, что мужчина с детьми – это серьезный

Семья Шишковых в Тегеране:

Слева направо: Валентина Ефимовна (рассказавшая историю их семьи), Георгий Ефимович, Прасковья Тимофеевна, Ефим Васильевич, Антонина Ефимовна.
 Фото из архива В. Е. Шишковой

мы себе представляли. С тех пор Австралия поселилась в наших сердцах и стала мечтой.

Папа, как я уже говорила, был очень деятельным, предприимчивым и вел переписку с разными людьми. Переписывался он и с великим князем Владимиром Кирилловичем Романовым, который проживал в то время во Франции. Папа написал ему письмо, в котором изъяснил, что бежал из России с женой и детьми, проживает в мусульманской стране, что, хоть жизнь и не плохая, но хотел бы он жить с семьей в христианской стране, чтобы дети и будущие внуки не отошли от веры предков. В конце письма выразил пожелание уехать в Австралию, подчеркнув, что вера там христианская.

Князь Владимир Кириллович переписывался со многими русскими, которые рассеялись по миру, и всем незамедлительно отвечал. Почта шла медленно, но через несколько месяцев мы все же получили ответ из Парижа, в котором Великий князь сообщал, что ведет переписку с белорусской семьей из Австралии и постарается помочь. Попросил написать полные имена и даты рождения всех членов нашей семьи. Папа ответил в тот же день и написал все данные, которые требовались. На наше удивление, из Австралии мы очень быстро получили письмо, в котором сообщалось, что заявление наше одобрено, и мы можем приехать в Австралию для постоянного проживания. Конечно, такое быстрое положительное решение эмиграционным департаментом Австралии было вынесено благодаря тому, что обращение с ходатайством к ним поступило от царской семьи.

Мы начали готовиться к отъезду. Папа наш был таким по характеру, что если он чего-то получает, то этим он должен поделиться со всеми окружающими. Так, пока мы собирались покинуть Персию, папа через австралийских белорусов помог оформить документы

на въезд в Австралию еще несколькими русскими семьями, бежавшими из России.

Папа обладал феноменальными организаторскими способностями, и люди его слушались беспрекословно, доверяя всем его советам и действиям. Папу называли русские в Персии «полковой атаман российских беженцев». Он легко знакомился с людьми, легкий был в общении и ему были любые неудачи нипочем. На все происходящее находил доброе объяснение и с ним было очень просто и надежно. Мама, напротив, была робкой, стеснительной, начинать разговор с людьми сама боялась. Все время сомневалась, волновалась и доверяла только папе. Во всем у нее чувствовалась прирожденная интеллигентность, то ли полученная в стерлитамакском училище, в котором она совсем немного училась, то ли от природы такая. В тоже время характерным было то, что вместе с ее стеснительностью была в ней непреклонная настойчивость. Если мама что-то задумывала, она этого добивалась. Папа окончил всего три класса, но память, ум, способности у него были такие, как будто окончил он не один университет. Письма писал очень глубокие, мудрые, тексты грамотные. За любую работу брался так, как будто всю жизнь этим только и занимался, хотя потом говорил: «Сам впервые видел и не знал, как делать, но как-то все получилось...»

Австралия. Брисбен

18 октября 1951 года мои родители, Ефим Васильевич и Прасковья Трофимовна Шишковы, прибыли в Австралию, в город Брисбен. Вместе с ними приехали в Австралию и их дети: старший сын Георгий Ефимович, средняя дочь Антонина Ефимовна и я – младшая – Валентина Ефимовна со своим мужем Аркадием Константиновичем и дочкой Надеждой Аркадьевной.

В отличие от папы муж мой Аркадий не был предусмотрительным и основательным. В дорогу из Персии через все страны в Австралию он собрался ехать с одним чемоданом, хотя у нас с ним уже была

дочка, на которую немало надо было взять одежды на разную погоду. Переубедить я его не смогла. Чтобы не поссориться, я на все его причуды соглашалась. Приехали мы в Австралию с Аркадием с одним чемоданчиком да с дочкой. Если бы не родители, с чего бы жизнь начинали, даже не знаю. Жить негде, одежды нет...

Человек, который по просьбе князя Владимира Кирилловича нам сделал приглашение, очень заботливо встретил нас, устроил на квартиру к русским баптистам по фамилии Руденко. У семьи Руденко были четверо детей. Один из его детей в дальнейшем выучился на врача и долго практиковал в Брисбене. Очень сожалею, что забыла я имя человека, по приглашению которого мы приехали в Австралию, белоруса по национальности. В душе к нему навсегда осталась

*Прибытие в Брисбен семьи Шишковых в 1951 г. В центре Валентина Шишкова (Решетникова) с дочкой Надеждой, справа от нее Ефим Шишков – отец, Георгий Шишков – брат, слева Аркадий Решетников – муж Валентины, сзади мужчина и женщина, приехавшие из Персии вместе с Шишковыми (имена не восстановлены).
Фото из архива В. Е. Шишковой*

невесты крутятся. Я шила в основном платья для «Ангелов невест» из шелка, капрона голубого цвета. Цвет облачения Матери Божией – голубой. Иногда заказывали платья для шофериц розового цвета, нежно-салатового. Очень мне нравилось шофериц и невест обшивать. Радость их и мне передавалась, и шила я с большим интересом. Придумывала сама фасоны или шила по фасонам, нарисованным самими заказчицами.

Папа и брат тоже быстро нашли работу. Устроились они работать по плотницкой части. В то время в Австралии от мужских рабочих рук редко отказывались. Оказалось, что найти работу в Австралии в 1950-ые годы было не так сложно, как нас пугали, и не так сложно, как сейчас. В Персии было труднее получить работу.

Прожили мы в квартире у хозяев Руденко около года и сняли комнату больше размером у украинцев. Очень хорошая, добрая семья была, но дочки их все время задирались с нами. Особенно им не нравилось, что мы не знаем украинского языка, а еще их больше раздражало, что неправильно называем овощи. Все время резко нас обрывали и исправляли: «Не лук, а цибуля! Вы даже не умеете говорить!..»

Кроме работы, мы сразу же все стали ходить в русский православный храм на Вуллунгабба в Свято-Николаевский собор. Я начала петь в хоре. Певческий опыт у меня тоже уже был. Я в Персии с 14 лет начала петь в церковном хоре в храме святителя Николая. Грамоте музыкальной не училась, но природный слух у меня был тонкий, а голос звонкий, как колокольчик. Меня в хоре так и звали «наш колокольчик». Петь-то я пела, но устав службы не знала, что и за чем поют. Очень мне захотелось выучить весь церковный устав. В то время в хоре собора пели София Минеевна и ее брат Станислав Минеевич Кривилевы. София Минеевна была очень доброй, мне много подсказывала. Потом я пошла учиться к Софье Семеновне Троицкой. Она имела музыкальное образование, регентовала в нашем хоре, и к ней многие ходили домой учиться пению. Она была строгой, не всех брала к себе на обучение. Меня она взяла и тоже

спуску не давала. Все ее очень боялись. Вернее, не ее, а ее острого языка. Я на ее острый язык ни разу не попала и чувствовала, что меня она уважает. Я тоже ее очень уважала, и страха перед ней не было. Дело регента я изучила, но регентом никогда не стремилась быть. Я просто люблю все детали знать, если за что-то берусь. Уж, если я стою в церковном хоре, то я четко должна знать: что за чем поется и почему. Конечно, когда по какой-то причине Софья Семеновна не могла быть в хоре, мне приходилось вставать на место регента и вести хор. Софье Семеновне нравилось, что у нее есть человек, которого она может оставить вместо себя. Когда регентовал Станислав Кривилев, он тоже меня оставлял в хоре вместо себя, если ехал на работу, или еще какие неотложные дела были. Когда в 1998 году в Свято-Николаевский собор был назначен отец Гавриил Макаров, из собора в Свято-Серафимовский храм перешли отец Петр Симовских и протодиакон Валентин фон Трейфельд. Отец Петр Симовских звал меня перейти в Свято-Серафимовский храм регентом, но я не согласилась. Я всегда была готова помочь, но стать постоянным регентом церковного хора не стремилась.

Земля в Рокли

За три года мы окончательно обжились в Брисбене, работали, снимали жилье. В общем, мы были счастливы жить в этой спокойной солнечной стране. Однажды к нам домой пришел один полупознакомый человек. Родители его называли «русский еврей» и говорили, что человек этот был очень умный, добрый, и папа к нему прислушивался. Стал этот человек (имени его, к сожалению, тоже не помню) говорить о строительстве дома: «Ефимий, зачем ты платишь за квартиру такие деньги? На ветер бросаешь заработанное, на будущее не скапливаешь. Покупай землю мою, стройся и живи, радуйся. Вон уж и внуки пошли, а ты все на чужих половицах живешь...» Призадумался папа. Человека он этого очень уважал и говорил, что тот дурного не посоветует. Поехали они вместе с папой в район Рокли землю смотреть. Рядом с тем куском земли в районе Рокли

по генеральному проекту планировалось государством строительство дороги. Хозяин участка уговаривал: «Если купишь сразу весь участок, то будет тебе земля эта стоить очень дешево». Папа не на шутку загорелся. Он понял, что осуществление его мечты совсем рядом, что есть шанс исполнить свой обет, который дал Богу, выходя из родного дома. К тому обету прибавилась в Австралии еще одна мечта. Хотелось папе школу построить для детей, чтобы русские дети не чувствовали, что растут на чужбине, чтобы росли свободно, учились и играли вместе.

Стал папа обдумывать покупку земли. Волнение тоже покоя не давало. Дело-то рискованное. Как пойдёт? Дорога, запланированная государством, не помешает ли его планам, хватит ли денег и сил расплатиться? Будет ли угоден в Рокли храм, если в Брисбене есть уже Свято-Николаевский собор? Много вопросов у него рождалось в голове, мама только со всем соглашалась, но не была советчицей в таких вопросах. Папа был для нее и Бог, и царь. Как решит – значит, прав. Решил папа в сербскую церковь в районе Вэйкол поехать за советом.

В районе Вэйкол жили много русских. Работали все они на цементном заводе. Район считался плохим для проживания и вредным для здоровья. Завод был запылен цементной пылью, но русские там селились, потому что работа была самым важным аргументом для выживания в новой стране. Русские в то время в основном все были без личного транспорта, и не каждый мог добраться на церковные службы в русский храм, который располагался в районе Вуллунгабба, почти в центре Брисбена. Все русские жители Вэйкола в основном посещали сербский православный приход Святого Николая в Вэйколе.

Историческая справка:

После Второй мировой войны сербские иммигранты начали прибывать в Брисбен в 1948 году. В 1953 году они создали церковную приходскую общину и начали обучать своих детей. Сербская об-

Храм в Рокли был возведен. При храме открыли приходскую школу для русских детей. Директором и педагогом стала только что прибывшая из Харбина София Минеева Кривилева (Кравис). Все папины мечты сбылись, и обет перед Богом был выполнен, но по-радовался он недолго. Менее чем через 6 месяцев папы не стало. Погиб он очень нелепо в начале 1957 года, в возрасте 57-ми лет.

Гибель Ефима Шишкова

В 1950-ые годы многие русские в Брисбене почему-то пристрастились к азартным играм, мечтая на утро разбогатеть. Брат мой Георгий тоже увлекся игрой в карты и стал играть по серьезному, на деньги. Папа очень возмущался, пытался оторвать его от этого опасного занятия, ругал сына: «У тебя дети, а ты играешь в карты, да еще на деньги...» Георгий не слушал и снова уходил играть. В один из вечеров папа пошел за Георгием, зная место, где игроки собирались. Увидев Георгия, папа стал звать его домой, убеждая, что все в семье волнуются за него и надо бросить это занятие. Георгий огрызнулся. В глазах у папы помутнело от неприятного разговора с сыном, от обиды и волнения за сына и его семью. С большой обидой он возвращался домой. Переходя железную дорогу, не заметил мчавшийся на него поезд. В последний момент успел отпрыгнуть, но поезд подцепил проволокой его за бок. Это произошло так мгновенно, что папа не ощутил боли. Ему показалось, что проволока безобидно стукнула его по боку и поцарапала одежду, но тело не задела. Он был поглощён мыслями о сыне, о неприятном разговоре и продолжал идти. Дома увидели, что вместе с одеждой у папы разорвано до мяса тело на боку. Папе становилось все хуже. В госпитале определили, что проволокой разорвало желчный пузырь. Желчь разлилась...

Умер папа от разрыва желчного пузыря очень быстро, 19 января 1957 года, через пять месяцев после его осуществившейся мечты, после возведения и освящения храма. Папа стал первым челове-

Помня наш тяжелый побег из России, я ни в какую не соглашалась на отъезд в СССР. Тогда Аркадий стал говорить, что уедет туда один.

Как только в СССР пришёл к власти Никита Хрущёв, в космос в 1961 году полетели Юрий Гагарин, затем Валентина Терешкова – моя тезка, Георгий не на шутку загорелся вернуться в Советский Союз и стал еще настойчивее меня уговаривать. Мы всей семьей этим событиям в Советском Союзе очень радовались, рассуждали много. Георгий каждый вечер стал говорить, что пора возвращаться домой, что заживем, наконец, «припеваючи у себя на Родине», что все мы там свои и нужны, а в Австралии мы навсегда люди второго сорта, потому что акцент наш никуда не денется. Все эти слова на меня очень действовали. Видимо, я своим детским сердечком не прочувствовала всей той боли беженки, когда мы бежали из СССР. Папы уже не было в живых, да и он, как и мама, вряд ли бы захотел вернуться туда, откуда бежали, спасая свои жизни и жизни детей. Чем больше нас отговаривала мама, брат, сестра, тем больше мы находили причин – почему нам надо вернуться на родину. Аркадий стал меня просить написать письмо в Башкирию, где остались проживать сестры моего папы. Я написала письмо, сообщила, что хотели бы вернуться домой после стольких лет скитаний. Положила в письмо нашу общую семейную фотографию. Ответ получили, из которого было видно, что не очень-то там нас ждут, был еще упрек в адрес мамы, что папа – их брат – умер, а жена его, наша мама, на фото «такая красавица, хоть замуж выдавай».

Аркадий был настойчив и готов был улететь один. Мне не хотелось его отпускать одного и оставаться одинокой матерью с детьми. У нас уже с ним, кроме дочери, родился второй ребенок – сын. Я приняла решение лететь с мужем. Мы вместе подали документы на выезд в Советский Союз, но вернуться в Башкирию нам советское консульство отказало и было предложено ехать на север Казахстана, в город Кустанай.

Едем в СССР

После оформления всех формальностей мы готовы были к отъезду. Взяли с собой, конечно, и наших детей. Это был уже 1964 год. После полета в космос первого в мире космонавта прошло три года. Нам казалось, что в Советском Союзе, делающем такие мировые успехи, обошедшем даже Америку, наступил рай для всех простых людей.

Провожали нас в Брисбене русские. Кто-то недоумевал над нашим решением, кто-то подбадривал, а кто-то жалел. Были и те, кто откровенно завидовали. Перед самым отъездом моя хорошая знакомая по церкви Прасковья Степановна сунула мне в карман записку со словами: «Это адрес. Мало ли что. В Кустанае у меня есть кума. Найди ее. Весточку передай, а то и поможет каким советом».

Прибыли мы в Советский Союз, добрались до Казахстана, до города Кустанай. Думали, что нас на вокзале встретят, как обещали в советском консульстве, но никто нас не встретил. Не успели мы сойти со ступенек вагона, нас окружила толпа цыган. Цыганские дети и женщины стали выпрашивать деньги, хватая наши узлы и чемоданы. Они были такие грязные, наглые. Я не на шутку испугалась. Муж с трудом отогнал их, посадил меня с детьми на узлы и пошел на вокзал, чтобы найти какое-нибудь официальное учреждение и разыскать тех, кто должен был встретить нас. Он думал, что в СССР, как в Австралии: «контора пообещала, контора сделала». Я сидела, напуганная, на узлах и боялась, что если цыгане вернуться раньше его, то все узлы наши расхватают, а то и детей утащат. Я еще в вагоне слышала, как цыгане детей на вокзалах воруют. Аркадий вернулся и сообщил, что ответ он получил такой: «Кому вы здесь нужны... Мы вас не знаем, знать не хотим и убирайтесь-ка вы отсюда подальше...»

С поезда мы вышли очень голодные, несколько часов бессмысленного ожидания прошло на вокзале, а устроиться так нигде и не можем. Где голову положить, не знаем. Дочка заболела, поднялась

температура, начался понос. Куда податься с вокзала? Где больница, где поесть, где руки, где ребенка помыть – не знаем. Нам люди добрые помогли временно поселиться в бараке, в котором располагалось общежитие. Грязь кругом. Туалет один на все комнаты в конце длинного темного коридора. Кровати стоят одна к другой впритык. Надя моя совсем обессилела от обезвоживания, глаз открыть не может. Соседка по кровати посмотрела на это все и говорит: «Твоя дочка умрет, если не лечить. Надо что-то делать». Дала мне кристалл марганцовки и говорит: «Давай быстрее разводи. Совсем ребенок помирает». Я развела марганцовку водой. С трудом заставила дочку выпить. Через полчаса Наде стало лучше. Через некоторое время снова марганцовкой напоила. Пришла моя Надежда в себя. Слава богу, вылечилась. Что дальше делать? Куда идти? Сидим на кровати и думу думаем – как дальше жить? Вдруг меня осенила мысль: а что за записку мне в карман Параскева Степановна сунула? Вроде, про какой-то адрес говорила. Разыскала я записку с адресом, и пошли мы по Кустанаяу дом тот искать.

Город в Казахстане Кустанай

Справка по материалам свободной энциклопедии «Википедия»:
Город Кустанай до 17 июня 1997 года назывался *Кустанаем*, по названию урочища, на котором расположился город у берега реки Тобол. До 1893 года населенный пункт носил название *Новониколаевск*. В 1893 году получил статус города с названием *Николаевск*. В 1895 году переименован в *Кустанай*. В 1959 году построена железнодорожная линия *Кустанай–Тобол*, в 1960 году введена в строй железнодорожная линия *Кустанай–Урицкое*. С 1997 года носит название *Костанай*.

Ходим мы по чужим улицам Кустаная, дом ищем, записанный на листочке с адресом. Кругом незнакомые люди. Мы их сторонимся, они на нас оглядываются. Рассуждают что-то про нас. То ли мы

выглядели не так, то ли подозрительными казались. Показываем адрес, а они отходят и ничего не говорят, как будто напуганы чем. Мы думаем: им-то что бояться? Они у себя дома, это мы – не пойми где и что с нами будет. Смотрим, женщина с большой сумкой на плече навстречу идет. Сумка нагружена газетами. Поняли, что это почтальон местный. Стали спрашивать улицу, как нам найти, в какую сторону податься?..

Почтальонша настороженно спрашивает:

– А кто вы будете?

Мы рассказали, что из Австралии, что записка есть у нас с адресом. Почтальонша еще больше насторожилась и даже испугалась, услышав, что мы из-за границы.

Оглянулась кругом и говорит:

– Вы за мной не идите, но смотрите в какую сторону пойду, в какой дом я брошу записку. Туда и идите. Только со мной не разговаривайте. Опасно нам с иностранцами разговаривать.

– Да какие мы иностранцы. Мы местные, из Австралии на родину вернулись, – начал объяснять ей Аркадий.

Почтальонша резко оборвала:

– А это еще хуже...

Пошла почтальонша быстрым шагом по улице, а мы тихонько за ней. Делаем вид, что не обращаем на нее внимания. У одного из домов она остановилась и бросила записку в почтовый ящик. Мы поняли, что женщина дала нам знак – в какой дом заходить. Подошли мы к дому. Постучали. Долго двери не открывали, но мы не уходили. Через некоторое время вышла из дома женщина, подошла к воротам и спросила:

– Кто вы будете?

– Вы знаете Прасковью Степановну?

– Да, но она где-то за границей. Кто вы ей будете?

– Мы ее друзья.

Женщина заволновалась, разнервничалась. Вот-вот захлопнет дверь.

Я говорю ей:

– Мы очень близкие друзья ее, по церкви. Почти как сестры. Только выслушайте нас. Мы ничего не просим. Женщина еще больше занервничала и заговорила сердито, полупшепотом:

– Вы хотите, чтобы нас расстреляли?! Нас не жалеете, детей пожалейте. Придете позднее, когда муж вернется с работы. Разрешит вас впустить, войдете, а сейчас идите подальше от нашего дома, пока вас у нашей калитки не приметили.

Мы ушли в другую улицу. Стали наконец понимать, что народ чем-то напуган, что боится с людьми из-за границы разговаривать. Долго бродили по улицам. К вечеру, как стемнело, снова пришли к этому дому. На этот раз очень быстро открыл дверь мужчина. Пригласил в дом и говорит:

– Жена сказала, что вы из Австралии, и, оказывается, наша Параскева там. Мы ничего о ней не слышали, как бежали они. Жизнь у нас не легкая, не как в газетах пишут. Обманулись вы, коль сюда приехали. Мы живем и каждый день дрожим, как бы кто письмо из родственников из-за границы не написал, да почтальон властям не доложил. В лагерях-то не хочется никому сгинуть за вас, сбежавших... Каждый день такие случаи слышим, что сразу следить начинают, а потом врагом народа объявляют, если письмецо какое из-за границы придет. Уезжать вам надо отсюда скорее. Проситесь ехать в свой Стерлитамак, раз родом оттуда. Говорите, что родных там у вас и нет, а родные места манят.

Мы с Аркадием не ожидали такого поворота. Отчего люди так напуганы, ведь мы в Австралии своими ушами слышали, что СССР теперь первое в мире государство и по уровню жизни, и по запускам ракет в космос. Хозяин дома продолжал:

– Вас пошлют только в колхоз, но, если вы туда попадете, то никогда уже оттуда не вылезете. Это тюрьма, где у тебя ни документов,

ни зарплаты, ни права выхода из рабского заточения. Проситесь уехать в Стерлитамак. Чего бы вам это не стоило, запомните: не соглашайте на колхоз. Не хороните себя и детей заживо. А теперь уезжайте. Больше я вам ничем помочь не могу.

Иногда совет дороже денег стоит. Мы ценность этого совета поняли уже скоро. Если бы не совет родственников Параскевы Степановны, сразу бы с радостью в колхоз и согласились, как только власти предложили бы нам такой вариант решения проблемы. В нашем с мужем понятии давно укоренилось – работа есть, значит, и жизнь есть. Не знали мы, что у колхозников в Советском Союзе даже паспортов нет, а если у кого и были документы, то их отнимали, как только в колхоз вступаешь. Работа у колхозника, конечно, всегда есть. Навоз никуда не денется. До сих пор мысленно благодарю Параскеву Семеновну, через адрес которой мы получили в СССР такой ценный совет.

Историческая справка:

Первые внутренние советские паспорта появились в 1932 году. Их получали только жители «режимных» городов, рабочих поселений, новостроек и совхозов.

Крестьянам (колхозникам), которые составляли почти 40 процентов населения страны, впервые разрешили выдавать паспорта только 28 августа 1974 года. До этого они более 50 лет, с момента образования СССР, были фактически крепостными при колхозах. Туда их автоматически записывали в 16 лет, они не могли никуда уехать. Нарушителей наказывали штрафом или тюремным сроком.

Город в Башкирии Стерлитамак

Ушли мы в Кустанае от родственников Параскевы Семеновны темной ночью. Добрались до железнодорожного вокзала. Купили билеты на поезд и уехали в Башкирию, в город Стерлитамак. В Стерлитамаке нам надо было отметиться у местных властей, люди-то мы не вольные оказались, с советскими властями ссориться не хочется, уж коль нас советское консульство не в Стерлитамак отправило, а в Кустанай. Выслушав в городской конторе наш рассказ о том, как мы родину любим и как хотим ей служить верой и правдой, нам сделали предложение и не какое-нибудь предложение, а именно то, от которого предостерегли нас в Кустанае. Предложение было: «Добро пожаловать в колхоз!» От колхоза мы стали вежливо отказываться, спрашивая, есть ли в городе потяжелее работа?

– Есть, – ответили. – Цементный завод.

Устроились мы работать на цементный завод. Меня взяли лаборанткой, Аркадий получил работу грузчика. Работа на цементном заводе на всех участках была очень тяжелой. Рабочих рук не хватало, и мы постоянно перерабатывали часы, за что руководство и не думало доплачивать. Нас после Австралии это очень удивляло, как это за переработанные часы не платят? Радовало нас то, что для работников цементного завода предусматривалось ведомственное жилье. Поскольку мы работали на заводе вдвоем с мужем, нам вскоре выделили двухкомнатную квартиру. По австралийским меркам – это жилье с одной спальней, вторая комната – гостиная. В квартире мы все удобно расположились и были довольны. Так жили все советские люди. Порой в двухкомнатной квартире жили четыре поколения семьи, включая родителей, бабушек, дедушек, детей и внуков.

Керосиновый торт с розами

Денег, конечно, как всегда, не хватало, но детей хотелось побаловать вкусненьким. После работы я часто заходила в продуктовый магазин за хлебом и всякий раз любовалась тортами. Торты были такие красивые, украшенные розами, зеленой травкой. Так красиво, как клумбы в цветущем розарии Австралии. Торты стояли на витрине не всегда, но, если появлялись, трудно было оторвать взгляд. Красив-то красив, но уж очень дорого, и я долго не решалась на покупку этого лакомства. В один из дней, когда я зашла в магазин, а в кармане лежала еще не тронутая получка, я решила сделать праздник для семьи. Купила я самый большой и красивый торт. Упаковали мне его очень нарядно, в коробочку, серебряной ленточкой завязали. Несу я торт, а мне кажется, что все встречные на улице на мою коробку с тортом смотрят и думают: «Вот счастливая, какой торт может себе позволить». Надо сказать, сладкоежками были не только наши дети, но и муж, да и мне самой было трудно отказаться от сладенького. В магазинах сахар-то не всегда был, а если привезут, то стоять за ним не один час приходилось. Стоишь за килограммом сахара, а он перед самым носом закончится. Так что, купив торт с розами, я чувствовала себя так, как будто подвиг какой недостижимый совершила. Иду и радуюсь, представляю радость детей. Дети дома встретили с восторгом, а когда коробку с тортом открыли, счастливого визгу было, как будто на каруселях их закружили, и они визжат на этих каруселях от радости, страха и счастья.

Сели мы все ужинать. На торт посматриваем. Дети спешат суп доесть, чтобы за торт скорее приняться. А суп-то какой был – вода да картошка. Я и муж не спешим. Куда торт теперь денется, коль уж дома на кухне стоит, и нож его дожидается, чтобы на кусочки поделить, да так, чтобы на каждом кусочке розочка была, и каждому красота эта досталась. Разрезали мы торт, на блюдца разложили, чай разлили и, предвкушая удовольствие, принялись за торт. Не прошло и минуты, как все разом побежали выплевывать это долгожданное лакомство. Торт был с отвратительной горечью керосина. Такое

впечатление, что вместо сиропа его залили керосиновым маслом. Невозможно было съесть полкусочка. Потом еще долго раздражающая горечь стояла во рту, в горле и ничем ее выполоскать было невозможно. То ли торт керосином случайно облили, то ли стоял он так долго в лавке, что запах керосина в себя впитал. В торговой лавке продавалось все с одного прилавка – и хлеб, и спички, и керосин, и масло. Сдать в магазин обратно торт было невозможно. Все знали, что продукты назад не принимают, а только скандала от продавца не оберешься и в магазин больше не зайдешь. А то и вообще без хлеба останешься. С хлебом были сильные перебои и в магазине, и на улице иногда люди стояли часами за буханкой хлеба. Хлеба в очередях хватало далеко не каждому. В общем, торт мы больше никогда не покупали, а на кремовые розочки я до сих пор смотреть не могу.

Чикмент (Шымкент)

***Справка** из свободной энциклопедии «Википедия»:*

***Чикмент** (ныне Шымкент) город на юге Казахстана, один из трёх городов страны, имеющих статус республиканского значения, является отдельной административно-территориальной единицей. Ныне Шымкент – один из его крупнейших промышленных, торговых и культурных центров. До 1992 года город носил название Чимкент.*

Обжились мы в Стерлитамаке, хоть и все не просто было. Целый год прошел, как из Австралии вернулись на родину. Все бы ничего, да как зима наступила, аж кости ломило от морозов. Разболелись сначала дети, потом и мы с мужем. После Персии и Австралии организм никак не хотел настраиваться на морозы. Кое-как пережили зиму. Стали мы с мужем поговаривать и задавать себе вопросы: «А как же следующую зиму пережить? Говорят, что эта зима была еще теплой». Я в шесть лет уехала из Башкирии, к климату привыкла теплому, дети родились вообще в жарких странах. Чуть холод, так

простуда, да и питание было так себе. Вдруг мы узнаем, что в Казахстане, в городе Чикмент, у мужа живет двоюродная сестра. Муж стал настаивать туда переехать, убеждая: «Там тепло, фрукты, да и азиаты нам уже понятнее. Вся жизнь наша с азиатами прошла. Поехали».

Срываться всей семьей опять в неизвестность было уже страшно. Муж уехал «на разведку» в Чикмент один, а я осталась работать на цементном заводе, чтобы не потерять ведомственное жилье. Ведомственное жилье выделялось только на время работы на предприятии, владеющем данным жильем. Уволился – освобождай квартиру другому.

В голову мне приходили мысли: «А не уехать ли с Урала поближе к Европе? Там теплее, и Европа рядом». Даже съездила в Молдавию посмотреть, как там люди живут. Понравилось мне там. Особенно поразило меня изобилие икры, которую продавали ведрами. Прямо на улице стояли торговцы, и покупай хоть ведрами икру, и по доступным ценам. «Дешевле, чем торт в Стерлитамаке», – подумала я. Муж мой переезжать в Молдавию не согласился и настоял уехать в Чимкент. Заводов и фабрик после Второй мировой войны появилось много в Чикменте. Многие из эвакуированных предприятий так и остались там.

В Чикменте производили свинец, металл, запасные части к станкам. Много было в городе приезжих, которые приехали в Чикмент на заработки. Мы устроились работать с мужем на завод по плавке свинца.

Казахи к русским относились очень уважительно, даже нам казалось, что возвеличивали русских. Местное население Казахстана и во время Второй мировой войны эвакуированным россиянам сильно помогало. Вот и сейчас, завидев русского на рынке, цену уступали от души. На базарах торговали только казахи. В магазинах не было ничего, а на рынках продавали и мясо, и овощи, и фрукты. Увидит

казах русского и бежит за ним с товаром, чтоб тот купил именно у него. Помню, как мне часто кричали:

– Мадам, мадам, бери поросенок.

Мы жили в Чикменте лучше, чем в Башкирии. Конечно, сказывались погодные условия, и овощи можно было купить свежие, а не как в Стерлитамаке, то помёрзлые, то высохшие. В то время Никита Хрущёв любил Казахстан посещать. Говорят, шесть раз приезжал туда за время своего десятилетнего правления. Не знаю почему так случилось, но после посещения Казахстана Хрущевым жизнь там резко изменилась, и не в лучшую сторону. Изобилие на овощных рынках пропало, как будто овощи перестали выращивать. Все время на рынках говорили только о кукурузе. Цены на все сельскохозяйственные продукты очень повысились, и многие продукты нам стали совсем недоступны. В магазинах одна вялая морковь да скорёженная свекла лежали, даже капусты не было. Вкус хлеба стал такой, как будто из отходов выпекли. Мякиш хлеба жевать было невозможно – прилипал к зубам, как пластилин. Буханки хлеба стали тяжелыми кирпичами, как глина запечённая, хоть гвозди заколачивай. Пшеничный хлеб очень редко привозили. Завозили хлеб только ржаной.

А как народ-то ждал Никиту, когда узнали, что он Казахстан посетит. Рынки, магазины колбасой завалили в Чикменте, думали, что и туда заедет. Город-то большой и не последний в Казахстане. Хрущев, говорят, гостил на всю катушку, ел да нахвалявал, что продукты в Казахстане вкусные и изобилие кругом. Говорил: «Знать, народ обильно живет, коль так угощают». Как корова языком слизала все продукты в магазинах после его визита. Рынки стояли пустые, и колхозников как подменили. Как будто забыли сельские жители, как зерно, овощи выращивать, а пекари забыли, как хлеб выпекать. До сих пор эта загадка у меня в голове – что же случилось после хрущевского визита в Казахстан?

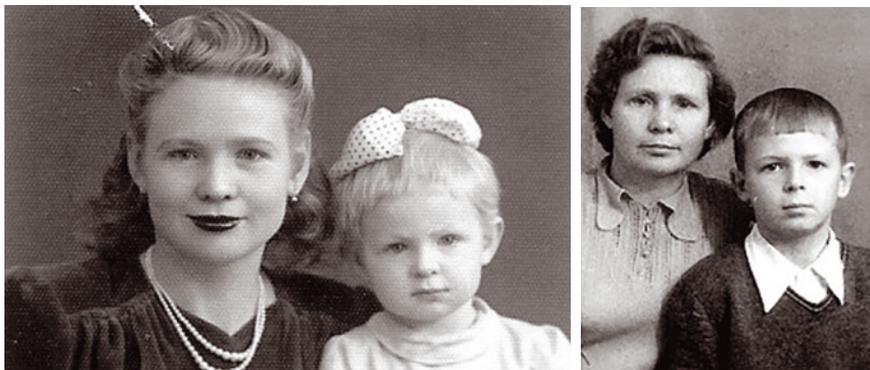
Снова Австралия

Вскоре мой Аркадий снова в путь засобирился. На этот раз про Запорожье твердит. Говорит, что все, кто туда уехал, «счастливы живут и хлеб глиняный не грызут». Опять один засобирился уезжать. А мне как с двумя детьми в Казахстане оставаться? Собралась и я. Детей собрали и опять в путь-дорогу. Вот уж хлебнула я горяшка там. Работу трудно найти, в городе кругом питейные заведения. Аркадий мой с первых дней завел друзей, с которыми начал пить и катиться все ниже. На работу перестал ходить. У меня работа то есть, то нет. Сын маленький стал бутылки собирать, чтобы на хлеб набрать да подсолнечного масла купить. Хлеб и в Запорожье «глиняный» оказался, да и того не купишь. Мужа уже и дома не видать, все с дружками где-то пропадает. Вижу, что совсем наша семья погибает. За детей боюсь. Куда бежать, чем кормить? Начала я думать – не вернуться ли в Австралию? А как вернешься, что скажешь? Там же все думают, что в Советском Союзе рай наступил для простых людей, коль первые в космос полетели. Да ладно, думаю, что о людских пересудах думать. Детей бы спасти и вывезти. Принялась я усиленно хлопотать о возвращении в Австралию, да не тут-то было. Такой это непреступной стеной оказалось. Советская власть нас выпускать и не думала. В каждом кабинете оскорбляют, детей оставить заставляют в Союзе, а сама, говорят, поезжай. Спасло то, что у нас были австралийские паспорта. Да и тут все висело на волоске – срок действия австралийского паспорта заканчивался через полгода. Мы были гражданами СССР и Австралии. Какие бы нам не ставили чиновники преграды, сделать ничего не смогли. То, что мы были австралийскими подданными, их останавливало от бесчинств, которые они применяли к другим гражданам Советского Союза на наших глазах.

Вернулись мы в Австралию как на свободу после заточения. Не можем нарадоваться. Работу, конечно, в швейной мастерской я потеряла. Спасибо Ларисе Алтабасовой. Она помогла мне устроиться

на работу на гальванике. Начала я работать на гальванике, но в первые же дни получила сильную реакцию на химию. Задыхаюсь, глаза слезятся, горло раздирает. Вынуждена была уйти. Пошла я снова проситься на работу в швейную мастерскую, на которой работала до возвращения в СССР. До Рождества осталось две недели. На работу никого не берут, и еще после Рождества две недели нигде работу не получишь. Это и сейчас так в Австралии, перед Рождеством никакой работы не получишь, если постоянной нет. Просто каким-то чудом взяла меня хозяйка швейной фабрики снова в пошивочный цех. Я до Рождества еще успела денег заработать. Так и прошла моя жизнь на этой фабрике. Потом здоровье стало подводить. В одно время совсем занемогла. Тогда муж меня и оставил...

«Я не жила своей жизнью...»

Валентина Ефимовна Шишкова со своими детьми. Фото из архива В. Е. Шишковой

Завершающее интервью с Валентиной Ефимовной Шишковой

Автор книги:

– Валентина Ефимовна, вы сейчас так же, как и раньше следите за новостями в России? Что вы думаете о тех людях, которые

– К сожалению, о подвиге папы даже в Брисбене знают далеко не все, а только наша семья, также некоторые верующие и священнослужители. Из новой эмиграции об этом и не слышали никогда. Я очень радуюсь, что в память о папе выйдет ваша книга. Может, о нем и в Преображеновке, в Стерлитамаке услышат. Конечно, я радуюсь тому, что стоит в Австралии храм, возведенный руками моего папы, и на земле, купленной им. То, что смог сделать он, мы, никто из нашей семьи, не смогли бы, да и в других семьях тоже не всякий был таким, как папа. Папа наш, Ефим Васильевич Шишков, был особенный, Богом избранный. Я теперь уже более, чем на тридцать лет старше папы, когда он умер, и все думаю: был бы жив папа, вернулись ли бы мы в СССР в 1964 году или нет? Может, папа сейчас бы вернулся, как возвращаются старообрядцы из разных стран в Россию? Я благодарна Богу за все. У меня выросли хорошие дети, внуки. Все хорошо, но я все равно скучаю по Родине...

Духовный подвиг

Вот такой мне рассказ о своей жизни поведала младшая дочь Ефима Васильевича Шишкова, устроителя храма на пятом континенте в Брисбене, в районе Рокли.

Сегодня я рассказала жизненные истории людей, с которыми лично свела меня судьба в Брисбене несколько лет назад. Я не смогла пройти мимо, чтобы не написать об этих людях. В этой книге вы прочитали о русских эмигрантах в Австралии, жизнь которых на их родине была изломана революциями, войнами, политическими репрессиями, гонениями за веру. Я не ставила цели вдаваться в подробные описания событий эпохи, в которой они жили, в детальные жизнеописания героев, а просто записала воспоминания из первых уст пожилой женщины, которой довелось стать в шесть лет беженкой, скитаться по чужим городам и странам и даже вернуться на Родину, но потом снова покинуть ее. Казалось бы, все просто: услышал – запиши, но это оказалось большой работой на несколько лет. Пока я работала над книгой, Валентине Ефимовне исполнилось 90 лет.

в 1956 году и проводили в последний путь первого прихожанина в 1957 году Ефима Шишкова, по инициативе и на земельном участке которого воссиял храм в Рокли, много воды утекло.

Построенный деревянный храм Ефимом Шишковым прослужил 37 лет, пока не было построено и освящено рядом новое каменное строение. Церковные службы сегодня проходят в высоком белокаменном храме. Деревянное строение храма стоит рядом как исторический памятник русской культуры на земле австралийской.

Разные священники здесь служили, и каждый внес свой вклад в процветание Свято-Богородице Владимирского прихода. Были и трудности. Дважды церковь была под угрозой продажи земли в обмен завещания, оставленного Ефимом Шишковым. Доходило дело до судов, но Бог берег участок земли и построенный на ней храм. Приход развивался, рос, прихожане жертвовали на его процветание не только личное время, но и деньги. Дети Ефима Шишкова, бежавшие вместе с ним из Советского Союза, и внуки всегда принимали активное участие в жизни Свято-Богородице Владимирского прихода.

Первым настоятелем прихода был отец Димитрий Симонов, затем священник Димитрий Обухов, при котором и случились судебные процессы за землю. Служил верой правдой на приходе протоиерей Николай Депутатов. Во время болезни отца Николая Депутатова служил vikarный архиерей владыка Константин, не гнушаясь архиерейское облачение менять на облачение приходского священника. Стены храма помнят и протоиерея Николая Успенского, Владыку Феодосия, митрополита Филарета, митрополита Виталия и многих других священнослужителей.

Строительство нового здания Свято-Богородице Владимирского храма, выпало на время настоятельства протоиерея Руфа Тоболова. Как только в 1984 году протоиерей Руф Тоболов был назначен настоятелем Свято-Богородице Владимирского храма, он стал думать о строительстве каменного здания. 20 июля 1986 года на общем годовом собрании прихожан было принято решение о строительстве

ченко), Н. П. Волкова, Н. Я. Веб, К. Д. Байкалова, В. В. Заболотная, А. С. Каневская и многие другие.

Я не ставлю своей целью писать историю храма и перечислять имена всех, кто трудился во славу Божию на приходе в Рокли. Имена всех перечислены в буклете, который был выпущен приходом к его 50-летию «История создания Свято-Богородице Владимирского храма Р.П.Ц.З». 2006. Над буклетом работали благодотворители Н. Б. Новоселов, С. М. Кравченко-Кравис, Н. В. Домогацкий, собрав ценнейший материал по истории храма в Рокли. Всех их уже нет с нами, но их исследования дойдут до потомков.

Во все времена храм жил поддержкой благодотворителей, жертвователей. Нельзя не вспомнить наводнение 2011 года, во время которого храм сильно пострадал, и вновь пришли на помощь люди, готовые безвозмездно трудиться, для которых дорог их духовным дом.

С 2015 года по сегодняшний день настоятелем Свято-Богородице Владимирского храма является священник более молодого поколения, родившийся в Австралии уже после строительства храма, иерей Александр Бородин. Красивые, тожественные службы совершаются в воскресные и в праздничные дни. Много молодежи ходит в храм, в том числе и из приехавших в постсоветский период. Впитал отец Александр любовь к родине его предков, к их вере от своих родителей, родившихся в Китае и пронесших любовь к России через странствия и страны.

Нашедшие последний земной приют бывшие благодотворители живут рядом с храмом в уютном Доме престарелых. Каждый новый день встречают они, глядя из своих окон на купола величественного Свято-Богородице Владимирского храма, откуда льются звуки ангельского пения. Имя всех благодотворителей и устроителя Ефима Шишкова навеки вписано в книгу вечности.

Фотографии

Фотографии из архива семьи Шишковых предоставлены автору книги младшей дочерью Валентиной Ефимовной Шишковой.
Современные фотографии Людмилы Ларкиной.

1-ый ряд слева: Антонина Ефимовна Шишкова, справа: Валентина Ефимовна Шишкова;
2-ой ряд справа: Георгий Ефимович Шишков с друзьями.
Фото из архива В. Е. Шишковой

4 YEFIM

PERSONAL DESCRIPTION: 1

Personal Description:

Height 5 ft 5 1/2 ins.

Build MEDIUM

Eyes BROWN Hair BROWN

Remarks

NAA: BP25/1 SHISHKOFF Y - RUSSIAN

NAME SHISHKOFF
YEFIM

Address 33 MACDONALD ST
COORPAROO

Nationality RUSSIAN

Place of Birth UFA RUSSIA

Date of Birth 9.3.1899

Single or Married MARRIED

Occupation CARPENTER

Arrived in Australia on 18.10.51

Port of SYDNEY per STRATHMORE

Signature of Holder. *Yefim Shishkoff*

Certificate issued at BRISBANE
on 6 - NOV 1951

Issued by *W. Cole*
FOR COMMONWEALTH MIGRATION OFFICER.
National Archives of Australia

Документы
Е. В. Шишкова,
выданные
по прибытию
в Австралию
в 1951 г.

Престольный праздник 1956 г. Свято-Богородице Владимирского прихода в Рокли.
Фото из архива В. Е. Шишковой

Сестры Шишковы
Валентина и Антонина
в Брисбене
Фото из архива В. Е. Шишковой

Семья Шишковых в Рокли 1956 г.
Справа: Георгий Шишков, Ефим Шишков,
Прасковья Шишкова.
Фото из архива В. Е. Шишковой

Из жизни Свято-Богородице Владимирского прихода в Рокли.
Фото из архива В. Е. Шишковой

*Свято-Богородице Владимирский храм в Рокли, освященный 26 августа 1956 г.
Фото Л. Ларкиной*

*Свято-Богородице Владимирский храм в Рокли, освященный 25 декабря 1993 г.
Фото Л. Ларкиной*

Престольный праздник в Свято-Богородице Владимирском храме в Рокли в 2019 г.
Фото Л. Ларкиной

Использованные материалы:

- 1 Интервью автора книги с дочерью устроителя Свято-Богородице Владимирского храма в Рокли В. Е. Шишковой. 2012, 2013, 2014 г.
- 2 Интервью автора книги с настоятелем Свято-Богородице Владимирского храма в Рокли, протопресвитером Михаилом Клебанским, в 2011, 2014 г.
- 3 Интервью автора книги с настоятелем Свято-Богородице Владимирского храма в 1980-ые года Руфом Тоболовым. 2010 г.
- 4 Интервью автора книги с членом сестричества Свято-Богородице Владимирского храма Зинаидой Тоболовой. 2010 г.
- 5 Интервью автора книги с Галиной Поторочиной – членом сестричества Свято-Богородице Владимирского храма в Рокли. 2008 г.
- 6 Интервью автора книги с Н. Б. Новоселовым. 2008 г.
- 7 Интервью автора книги с Анастасией Домогацкой 2009 г.
- 8 Книга «Уральские казаки в Квинсленде» ISBN: 978-0-987137-2-1 Издательство «Австралийская лампада» Брисбен. Австралия 2006 г. Автор Людмила Ларкина.
- 9 Книга «Подвиг русского духа» ISBN: 978-0-987137-4-5 Издательство «Австралийская лампада» Брисбен. Австралия 2006 г. Автор Людмила Ларкина.
- 10 Журнал «Австралийская лампада», статья «Забытые, но незабываемые. Подвиг благотворительности сестры и брата Кривилевых. Летопись русского Брисбена 1950-1990 гг. Автор Людмила Ларкина.
- 11 «История создания Св. Богородице Владимирского храма Р.П.Ц.З». Приходское издание к 50-летию создания прихода 2006 г. Составители Н. Б. Новоселов, С. М. Кравченко, Н. В. Домогадский.
- 12 Книга памяти Республики Башкортостан.
- 13 Сайт уфимской епархии Русской православной церкви <http://www.eparhia-ufa.ru/>

Содержание

Вступление	5
Что такое обет Богу?	8
Обет Ефима Шишкова	9
Ефим Васильевич Шишков	10
Прасковья Тимофеевна Шишкова	10
Преображенка.....	11

Две молодые семьи села Преображенка

Помощник фельдшера Ефим Шишков	15
Начало испытаний священника из Преображенки и его семьи	16
Аресты и расстрел священника из Преображенки.....	20
Массовое закрытие храмов.....	23
Арест Ефима Шишкова.....	25
Духовный геноцид	27
История еще одной семьи – «врагов народа».....	30
«Ты, Шишков, – враг народа...»	32
Кто в эмиграции лучше: «советские» или «предатели»?	33

Бегство из Башкирии

«Сила Божия в немощи совершается»	36
Вспоминания младшей дочери Е. В. Шишкова Валентины Ефимовны	37
Уфа	39
Ашхабад	41
Международный день трудящихся в Ашхабаде 1934 года	43
Снова в бега.....	44
Персия.....	46
Город Себзевар	48
Мешхед	50

Тегеран	51
Исфахан	53
Шираз	54
Каспий. У старообрядцев.....	57
Тегеран	59
Попасть в Австралию нам помог великий князь Владимир Кириллович Романов	62
Австралия. Брисбен	64
Земля в Рокли.....	68
Храм Владимирской иконы Божией Матери в Рокли	70
Гибель Ефима Шишкова.....	71
Тоска по родине.....	72
Едем в СССР	74
Город в Казахстане Кустанай	75
Город в Башкирии Стерлитамак.....	79
Керосиновый торт с розами.....	80
Чикмент (Шымкент).....	81
Снова Австралия.....	84
«Я не жила своей жизнью...»	85
Духовный подвиг	87
Свято-Богородице Владимирский храм сегодня	88
Фотографии.....	92
Использованные материалы:	97

Людмила Ларкина
Обет русского эмигранта
Ефима Шишкова
Германия: STELLA – 2021
© Все права защищены и принадлежат автору

Verlag «STELLA»
Bundesstr. 52
72379 Hechingen
Deutschland
www.stella-verlag.com
Tel. +49 (0) 174 38 403 06
E-mail: artstellapro@gmail.com
ISBN 978-3-95772-231-7

